

ГРИГОРИЙ АРКАТОВ

ВЕЛИКИЙ

И

УЖАСНЫЙ

18+

Григорий Аркатов

Великий и ужасный

«Эдитус»

2020

Аркатов Г. А.

Великий и ужасный / Г. А. Аркатов — «Эдитус», 2020

ISBN 978-5-00149-393-8

Мечтаете о путешествиях в дальний космос? У Вас возникает желание побывать в мирах с диаметрально противоположными свойствами материи? Хотите оказаться на планете размером семечку кунжута? Все ещё пытаетесь разобраться в том, что такое мироздание? Темное и светлое, герои и злодеи, банальность и необычное, жизнь и смерть, секс и скука.... Все это и многое другое в романе, где самые изощренные эксперименты заставляют содрогнуться миллионы Вселенных.

ISBN 978-5-00149-393-8

© Аркатов Г. А., 2020

© Эдитус, 2020

Содержание

Глава 1: Песнь обреченного	5
Глава 2: Звезды никуда не исчезли	6
Глава 3: С небес на землю	23
Глава 4: Кто такой Оливье?	40
Глава 5: За семью печатями	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Григорий Аркатов

Великий и ужасный

Глава 1: Песнь обреченного

Кто я? Великий и Ужасный?
Возможно, я самый на свете прекрасный.
Зачем я родился? – хороший вопрос.
Вот взял бы его, да и Богу отнес.
Но где же найти мне его и себя?
Мой мир – это нечто сплошное «нельзя».
И если влетит вдруг большой метеор,
Любой поспешит срочно выслать укор
В мой адрес... А разве есть чей-то еще?
Не нужно стенаний... Все так хорошо.
Такой неожиданный мир-разворот
Не смог предсказать даже сам Геродот.
Движения к звездам хотели мы все,
Но все это было как будто во сне.
А спать можно долго... Где сумрачный час?
Но мир начинает вращенье сейчас.
И вот из забытых песков мироздания
Ползли обычных людишек страдания.
Возможно, теперь не придется всегда
Искать неизвестных иллюзий врата.
А как же в ушах ковырять кочергой?
Об этом мечтали мы только с тобой...
Нет, лучше быть трезвым и просто гнобить
Всех тех, кого так и не смог полюбить.
А вспышки на солнце – далекий мираж,
Мой мир в темноте – просто адский кураж.
Так было давно – миллионища лет,
И кто-то другой тоже ищет ответ.
Мой враг неизвестен, но яростно слеп,
И мне не найти потаенный тот склеп,
В котором он прячет свой гнилостный взор
И им удобряет проросший мукор...
Хотелось короче, но что за беда...
Короче не будет, прощайте друзья!

Глава 2: Звезды никуда не исчезли

Капитан Люциус Сфер смотрел в иллюминатор своей каюты. За окном пролетали звезды. Их беспросветная тьма на фоне ярчайшей белизны космоса появлялась и исчезала, как и все в этой жизни. Капитан наблюдал за этим бесконечным действием и думал о чем-то сокровенном. О чем именно не имело значения. Просто время от времени ему нравилось тратить секунды на созерцание бытия. Немного погодя его взгляд стал медленно перемещаться с одного объекта внутреннего убранства на другой, мысленно цепляясь за несущественные воспоминания, которые оставили в его душе отпечатки боли или радости. Но зачастую это было больше похоже на нечто нейтральное, не имеющие отношения к добру или злу. Он просто чувствовал связь с тем, что окружало его в данный момент, и наслаждался этим, утонченно смаковал каждую молекулу материи, упивался проникновением в ее суть и мысленно постигал природное существо.

Люциус мог бы заниматься этим вечно, и какая-то часть его действительно хотела именно такого положения вещей. Опыняющая сладость созерцания позволяла существовать вне времени и пространства, позволяла забыть о делах насущных и никому ненужной ежедневной суете, а еще он мог без лишних усилий чувствовать себя целостным и по-настоящему живым. Как можно променять такое на нечто противоположное? Отсутствие ответа парализовало тело капитана откровенным нежеланием принять неизбежность возвращения к реальности. Однако мог ли он решать, чему быть, а чему суждено затеряться в лабиринте подсознания? Несомненно, Люциус мог вершить судьбы на космолайнере «Столкновение», но ниточки его собственного спектакля были в чьих-то чужих неведомых руках.

Звуковой сигнал резко и грубо прервал сокровенную медитацию капитана.

– Вы нужны на мостике, – сказал голос.

Кому он принадлежал, не имело значения. Да Люциус как-то особенно и не заморачивался по этому поводу. Единственным, о чем он думал в тот краткий миг между созерцанием Вселенной и шагом в направлении дверей, ведущих из каюты, было горькое сожаление о том, что ему в очередной раз не удалось закрепить в мире неподдельных ощущений и чистой энергии жизни. Это мгновение капитан винил себя за то, что его тщедушный разум так и не смог взять верх над своим же хрупким телом, не смог подчинить себе рефлекс, который в ответ на жалкий писк коммуникатора чинили козни против своего великого и ужасного властелина, разрушая столь желанную и столь неустойчивую связь с невыносимо далеким и в то же время крайне близким миром за гранью. Но шаг был сделан, и это чувство исчезло. И вслед за этим реальность обступила его со всех сторон.

Еще один шаг, потом второй, третий. ... Двери каюты открылись, испытав сенсорное предчувствие желания человека выйти за пределы каюты. Капитан посмотрел на ухоженную пустоту коридора и почему-то не захотел подумать о том, чего он хочет на самом деле. Вместо этого Люциус сделал следующий шаг, а затем еще. Позади раздался звук закрывающихся дверей. Он не обратил на него внимания. Да и что могло удивить его в этом бессмысленном шуме, рожденном на свет совершенно случайно в качестве побочного продукта мироздания, ставшим неким выхлопом усилий трения и гравитации. К тому же ему и раньше приходилось слышать все то же самое, так что не имело смысла заострять внимание именно сегодня и сейчас.

На своем пути к лифту Люциус не был предоставлен самому себе. Несколько раз его одиночество разбавлялось присутствием других людей. По большей части это были случайные и мимолетные встречи, в которых требовалось только соблюсти формальности и идти дальше. Но иногда случалось и нечто большее. Первыми в списке эдакой аномальности оказались два офицера службы безопасности, которых Правительство Трансгалактического Синцития по своим собственным причудам именовало геральдиерами. До встречи с капитаном они непримиримо спорили о чем-то, попеременно тыкая пальцами в цифровой планшет, который так же

непримиримо гулял из рук в руки. Временами в процессе спора уголки их ртов гневно изгибались, а склеры глаз меняли желтый цвет на синий. Так на лицах геральдиеров обычно выразилось несогласие. Но как только они столкнулись с капитаном, вся мимика раздора мигом испарилась. Их лица обрели ту же самую фундаментальную непоколебимость, что неуклонно читается в каменных истуканах Пасхи – родной провинции геральдиеров на Терра Прайм.

– Да снизойдет на вас нерушимость Устава!

Эти слова срывались с их губ в пламенном патриотизме, в то время как ладонь правой руки была прижата к сердцу. В ответном действии капитан произвел священный жест и возвестил:

– Сегодня и во все века!

– Во все века! – поддержали геральдиеры.

Как только ритуал себя исчерпал, каждый пошел своей дорогой. И свернув за угол, Люциус был более чем уверен, что спор между геральдиерами вернулся в прежнюю колею. Но его это не могло беспокоить в виду неоспоримой банальности. Да и имел ли он право осуждать чужую природу, над которым корпело бытие? Определенно, нет. Не успел капитан дойти до конца секции, как с ним случилось новое событие. На этот раз не менее семи нумеронов, относящихся к рядовому составу экипажа космолайнера, шагали по коридору и непринужденно общались. Их в основном набирали из жителей, соседствующих с Терра Прайм планет. Впрочем, иногда в их числе все же могли оказаться уроженцы светоча Трансгалактического Синцития. Обычно это случалось с теми, кто очень сильно провинился или пал настолько низко, что Правительство не смогло очистить его имя перед согражданами никакими покаяниями и священными литургиями. Люциус сумел разглядеть в толпе парочку карпорианцев и одного баталда. Остальные нумероны остались для него загадкой. Что собственно и неудивительно, учитывая его тягу к далеким галактикам и пренебрежение к ближним мирам. К тому же необходимо учесть, что нумероны, как и сам предводитель космолайнера, спешили по своим делам, так что взаимное лицезрение было весьма кратким, короче, чем приветственные реплики.

– Капитан.

– Капитан.

В отличие от геральдиеров здесь все было намного проще. Правительство считало, что нумероны должны выполнять возложенные на них обязанности и обеспечивать бесперебойную работу космофлота. Всему этому, по их мнению, могли помешать претенциозные обряды этикета, уместные в офицерских кругах как дань уважения традициям и порядку.

– Капитан.

– (Царственное молчание).

От Люциуса не требовалось ничего в ответ, кроме как учтиво и величественно кивать головой и идти дальше. Странно, но в присутствии нумеронов он чувствовал себя еще более скованно, чем встретившись с геральдиерами и их уставными ритуалами. Иногда, задумываясь над этим, Люциус предполагал, что причина дискомфорта в знатности его происхождения или привилегированности служебного ранга, но на самом деле проблема состояла в скрытой зависти, которую он испытывал к этим людям из низов, имевшим то, чего у него не будет никогда и ни при каких обстоятельствах. Люциус видел, как они отдают ему дань уважения и идут дальше, не меняясь ни в лице, ни в мыслях. И как после этого он мог не завидовать их неподдельной простоте и искренности? Нет, это было выше его сил.

Когда нумероны исчезли из виду, Люциус наконец-то смог вздохнуть спокойно и перевести дух, а также наконец-то добраться до лифта. Десяток шагов, остававшихся до дверей лифта, был буквально окутан дымкой безмятежного одиночества, но, закончив этот путь, капитан знал, что на мостике его ждут другие люди, которые вновь разрушат его уединенность. Однако он не мог противиться естественному ходу событий. Указательный палец лег на кнопку вызова и заставил загореться красную лампочку. После этого оставалось только ждать. Цифер-

блат медленно двигался к цифре 19, которой был отмечен уровень палубы местоположения капитана. Еще секунда и двери лифта распахнулись.

«Всего лишь капля одиночества», – думал Люциус, намереваясь войти внутрь, но внезапно его остановили окрики и топот ног.

– Капитан!

Оборачиваясь, Люциус предполагал увидеть нечто ужасающее вроде нумеронов, возвращающихся для повторного приветствия, но представшая перед ним картина была вполне невинна. Его нервный взгляд уперся в быстро приближающуюся фигуру. Сначала ему стало легче от ее количественной единичности, потом благодаря замеченным офицерским знакам отличия, ну а когда фигура стала зрительно различима, он просто порадовался, что это был никто другой как доктор Куна Лангас. Еще немного и она смогла объяснить свое отвратное поведение.

– Капитан Сфер.

– Доктор Лангас.

Взаимный обмен любезностями был только поводом для передышки. Ее волосы слегка спутались из-за пробежки, лоб покрылся испариной, а грудь колебалась от учащенных вдохов.

– Так что случилось? – спросил Люциус, окинув ее взглядом.

Женщина сделала еще несколько быстрых вдохов, дабы набраться сил для разговора. Это была простая физиологическая формальность несовершенной органики, но он не был против. Ему нравилось наблюдать простые и естественные вещи, тем более, когда они касались корабельного врача. Слишком часто Люциус ловил себя на мысли, что она ему не безразлична. Обычно это происходило сразу после того, как Лангас оборачивалась от пристального внимания капитана и заставляла его краснеть. Вот и теперь все то же самое, и в тоже время нечто другое. Ее рука поправила прядь, спавшую ей на глаза, открыв тем самым капитану взгляд полный боязни за пока непознанную им провинность.

– У нас проблемы.

«Проблемы?!» – подумал капитан, – «Да вся жизнь сплошная проблема».

Конечно, вслух он ничего такого не выдал, ведь совершенно не подобает старшему офицеру сомневаться в принципах нерушимости. Слова Лангас заставили его в очередной раз посмеяться над собой, и видимо он слегка перестарался, так как на ее лице внезапно разродился вопрос.

– Капитан?

Скорее всего, Люциус выдал свой скептицизм каким-нибудь едва заметным движением мышцы смеха, но теперь это уже не имело значения. Это случилось, и в этом проявилась несомненная оплошность, которую он был обязан не допустить. А ведь именно этому его учили в Гильдии военного искусства. Точнее это звучало несколько иначе – твои мысли сугубо твои – но смысл тот же. И в результате отныне для нее занавес приоткрыт, но с этим он разберется позже. А сейчас куда важнее сосредоточиться, выслушать и в качестве капитана решить терзающую других проблему.

– Так что там? – спросил он.

Этой репликой Люциус смог оторвать доктора Лангас от ее мимолетной привязанности к его мимолетной слабости и вернуть к вещам насущным. Знак вопроса исчез, как только расправились мимические складки недоумения, и на смену ему вернулось беспокойство, пугливая боязнь и нечто еще, чего он еще не успел идентифицировать. Впрочем, вскоре и эта несуразность была разрешена, сразу после того, как доктор разразилась текстом.

– Кажется, наш груз проявляет активность.

– Груз?

Капитан мысленно освежил в памяти список перевозимого в данной экспедиции, но так и не смог припомнить ничего живого, или даже полуживого, или хотя бы чуть теплого.

– О чем именно вы говорите?

– Ящики с берутием.

Получив некое подобие ответа, Люциус забеспокоился не на шутку. И это при том, что он так и не понял сути происходящего. Но ему было ясно другое, что, если «Столкновение» не доставит груз берутия в колонию Гвалда в сроки, указанные в контракте, ему и всему остальному экипажу весьма не поздоровится. Гвалданский коммерческий союз славился своей непрклонной позицией в отношении торговых простоев и боролся с ними исключительно каленым железом. Однажды, будучи в краткосрочном отпуске в галактике развлечений Хонтрае, Люциус подцепил в одном из баров на планете Корску одну девицу, которая ранее являлась одним из ведущих юристов этой корпорации. Позднее, находясь с ней в одной постели, он сумел насчитать на ее теле не менее пятнадцати клейменных знаков союза, и все они находились в наиболее болезненных местах. Со слов бывшей сотрудницы капитан узнал, что такова была плата за проигранные судебные процессы.

И все же, несмотря на все эти страшилки, здесь и сейчас Люциус не мог позволить панике взять верх. Если что-то угрожало грузу, нужно было реагировать молниеносно, что собственно капитан и сделал. Конечно, как всегда в нем было слишком много усердия, но иногда важно создавать видимость процесса, чтобы не думать о последствиях. В любом случае, начал Люциус с предположения худшего:

– Он что собирается взорваться или что?

Доктор Лангас ответила коротко и по делу:

– Непохоже.

Других вариантов в мозгу капитана не нашлось, и он спросил напрямую:

– Тогда что с ним творится?

– По всем признакам берутий собирается выползти из ящиков.

Ответ оказался более чем фантастичен, и на мгновение Люциус мысленно поинтересовался сам у себя на счет действующей даты и не совпадает ли она случайно с Празднествами Лоботряса, в которые всем гражданам Трансгалактического Синцития предписано изображать из себя дураков и нести непростительный бред.

– Выползти? Вы в своем уме?

Но ответ был также трезв и краток, как и прежде.

– Несомненно.

Оставалось только промямлить что-то в ответ.

– Но это просто куски металла... Они не живые...

Ситуацию спас голос в ближайшем коммуникаторе.

– Капитан, говорит трансгалактический советник Скروت. Ситуация пять-три-икс. Срочно явитесь на мостик!

На этот раз его не просили. В тембре голоса советника отчетливо прослеживались недовольство и нетерпение. К тому же нужно отметить, что представитель Правительства Синцития на корабле редко опускался до голосовых сообщений. Его высокопоставленной персоне куда более соответствовали прогулки с гордо поднятой головой и шикарные обеды с послами из отдаленных миров, а еще он очень любил давать ценные указания каждому встречному нумерону. Но сегодня мир чиновника перевернулся с ног на голову, и он лично требовал от капитана незамедлительной явки на мостик. Люциус посмотрел в сторону переливающейся цветными огоньками панели коммуникатора, потом перекинул взгляд на доктора Лангас и попытался сообразить, что в этой жизни важнее. В решении этой непростой дилеммы ему помог очередной взрыв нетерпения со стороны Скрота:

– Я повторяю... срочно!

Во избежание многократных релизов одного и того же Люциус поспешил достать из кармана мобильный коммуникатор и дать ответ настойчивости советника:

– Буду через минуту.

Так капитану пришлось отбросить последние потуги промедления и вынести четкую командную директиву, которой жаждали не только его подчиненные, но и само бытие.

– Усильте заградительное поле вокруг груза. Я буду на мостике.

– Но...

Доктор Лангас не успела внести в диалог реплику несогласия. Разговор был окончен, и на то имелись веские причины. В противовес этому в потайных коморках ее существа зародилось желание остановить капитана, не дать ему войти в лифт и покинуть ее, взвалив тем самым весь груз берутия на ее хрупкие женские плечи, но ее внутренний остов, с детских лет приученный выполнять приказы мужчин, не позволил ей такой вольности. Так что ей оставалось только наблюдать, как капитан заходит в лифт и исчезает за ее дверьми. С мгновение Куна Лангас помечтала о мире, где к ее мнению будут прислушиваться, а потом развернулась и ушла прочь.

Тем временем Люциус мчался на лифте вверх прямо к капитанскому мостику.

– Что за черт? – думал он по пути.

В лифтовой кабинке ответа не нашлось, только все те же многоцветные коммуникационные панели играли переливами. Люциус смотрел на них, сквозь них и чем ближе он становился к мостику, тем громаднее становилось его волнение. Причиной тому являлось то, чего он не понимал и пока что не мог контролировать. Не сказать, что его пугали надвигающиеся события, скорее он нутром чуял их дурной запах. При всей своей неординарности капитан не любил сюрпризы, не любил приключения, и при этом с ума сходил в отсутствии поездок в отдаленные уголки Вселенной. Любой из его биографов удивился бы, узнав, что все его знаменитые экспедиции в опасные зоны всегда предварительно планировались и оценивались на симуляторах. Но на этот раз компьютер в чем-то просчитался, и теперь его владельцу предстояло отдуваться за всех. Но главным, о чем беспокоился Люциус, было подозрение, что раз такое случилось единожды, не может ли это повториться вновь. Впрочем, оказавшись на месте, капитан вмиг позабыл обо всей этой ерунде и занялся делом.

– Что у нас?! – спросил он, как только двери лифта отворились.

Команда мостика, до этого момента находившаяся в творческом беспорядке, тотчас подтянулась и устремилась коллективным взором на своего лидера. Такие моменты всегда воодушевляли капитана. И не только потому, что иногда ему очень хотелось подчеркнуть свою значимость лично для себя, но и ввиду своей непомерной любви к педантичности и порядку. Расстояние от лифта до капитанского кресла составляло около десяти шагов, и Люциус прошел их достойно в полном самосозерцании и осознании личного превосходства. А когда он уселся на свое законное место и огляделся по сторонам, мир закрутился вокруг него и его желаний.

Советник Скрот, до сего момента стоявший в позе школьного учителя рядом с рулевым Кромбле и отдававший ему требовательные наставления по пилотажу, незамедлительно сориентировался на новую цель, и тут же последовал его приказ к научному адъютанту, представлявшему собой мальчика лет пятнадцати с явными признаками штрафных кровей.

– На экран!

– Так точно.

Мальчик стукнул пальцем по поверхности нескольких клавиш, и в ответ на центральном мониторе появилось изображение сине-зеленой планеты.

– Что это? – спросил капитан, вдоволь налюбовавшись картинкой.

– Планета Искандарион системе Эстуриум, – пояснил советник, – Вот уже более пятнадцати минут мы получаем сигнал SOS с ее поверхности. Мы пока не связывались с колонией. Ждали вас...

Люциус посмотрел на Скрота так, словно внезапно узрел в нем неисправимого идиота, а после добавил гневных слов:

– И что в этом такого срочного?!

Слова капитана были пропитаны нотками резкости, грубости и надменности, но именно таких качеств добивался Люциус от своего вопроса, адресованного советнику, который, как казалось ему на тот момент, призвал его на мостик по своей личной прихоти. Капитану всегда хотелось поставить на место правительственного засланца, указать этому чертову задаваке его настоящее место, но эффект от сказанного оказался пуст как старый дырявый мешок из-под тиркальских корнеплодов. Скрот был невозмутим и сдержан как никогда, словно и не было сделано никаких акцентов в вопросе капитана. А главное, он совершенно спокойно продолжал выполнять свои обязанности и даже отчитался в действиях, проделанных по личной инициативе.

– В ваше отсутствие я приказал скорректировать курс с целью войти в систему Эстуриум, но, как только нам удалось это сделать, поступило новое сообщение.

Капитан лениво провел взглядом по изображению планеты на экране и глубоко вздохнул. Люциус знал о ее существовании не более трех минут, но она уже успела его утомить. В его обязанности не входило выслушивать нытье местных аборигенов, а тем более вникать в их нужды. Однако именно этим идейным хламом был неисправимо прошит мозг Скрота. Спасать попавшие в беду миры – это то, чему его учили, то, к чему готовили. А Люциуса учили считаться с мнением советника в случае гуманитарной катастрофы или чего-то подобного и следовать пути исполнения принципов трансгалактических советников.

– И о чем там гутарят жители Искандариона? – спросил капитан, мысленно смирившись с необходимостью потратить время и средства на решение чужих проблем, но получил в ответ нечто неожиданное.

– Вообще-то это передача другого рода, – сказал Скрот капитану, а затем обратился к адъютанту, – Запустите сообщение.

Незначительные манипуляции мальчика с клавиатурой заставили исчезнуть с экрана изображение сине-зеленой планеты и позволили занять недолго пустовавшее место короткому видеоряду. Несмотря на множественные помехи в картинке все же можно было разглядеть седовласого мужчину в черной полевой спецодежде, а мысленно избавившись от перебоев в звукопередаче можно было даже уловить кое-что из его требований:

– Мы... не нужно... запрещаем... Искандарион... не ваше дело...

Когда сообщение себя исчерпало, случилась секунда бессловесности, а потом Люциус выдал новый вопрос:

– И кто это был?

– Не уверен, но передача велась на закодированной частоте аванпоста.

Капитан вмиг выпрямил слегка расхлябанную осанку, огляделся по сторонам и, пристально взирая на советника, спросил:

– Они где-то рядом?

– Возможно, – ответил Скрот, – Вы же знаете, аванпосты – это такая вещь... никто не знает, сколько их и где...

Пришлось серьезно задуматься. С одной стороны, и так было ясно, что даже при самом благоприятном раскладе в запасе осталась всего лишь одна секунда молчания, а потом советник потребует немедленно экспедировать себя на чертову сине-зеленую планету для ревизии гуманитарных проблем вселенского масштаба. И, конечно же, ему будет совершенно начхать на тот неоспоримый факт, что где-то рядом находится тайный аванпост секретной межгалактической полиции.

– И что делать? – спросил Люциус, так и не придумав решения.

Вопрос был обращен ни к кому-то определенному. В данный момент решалась судьба всего экипажа, так что задуматься предстояло каждому. Только вот все молчали. Капитан обвел взглядом каждого из тех немногих, кто непреднамеренно присутствовал на мостике, но

их лица не давали подсказки или ответа. Они просто смотрели на него замершими тенями и ждали от него проявления непоколебимой самостоятельности.

«Печально, печально...», – мысленно констатировал Люциус.

Но разве мог он злиться на мальчика, стучащего по клавиатуре, на нескольких техников, латающих контакты под пультом, на рулевого Кромбле, неустанно следующего по заданному маршруту, а также еще нескольких персон, предназначение которых всегда оставалось приемлемой загадкой. Но что было абсолютно неприемлемо, так это продолжать выжидать с моря погоды и не делать ничего, что хоть как-то можно было бы обозначить как невозмутимое капитанское решение. И именно такое мнение читалось на суровом лице советника Скрота, что собственно и поставило крест на едва заметном замешательстве капитана.

– Готовьте команду к высадке! – приказал Люциус, словно и не было никаких сомнений во все эти предшествовавшие милицасты мгноения.

– Вас понял, капитан, – рапортовал советник, а после обернулся к своему адъютанту и выдал целую пачку распоряжений со словами, – Давай побыстрее...

А парнишка был с толком. Звали его Джус. Он ответил:

– Сейчас будет сделано.

Вот так все и завертелось на капитанском мостике космолайнера «Столкновение» с целью подготовки миссии по спасению планеты Искандарион. И возможно все прошло бы как по маслу, если бы кое-кто не воскликнул:

– Вы не можете этого сделать!

– Не можем?!

Пока Люциус экстагически самовозбуждался на тяжелом поприще управления людьми и космолайнером, на капитанском мостике появился еще один персонаж. И все бы ничего, однако далее следовало слишком много «но». Ведь даже если бы при оценке его качеств не приходилось учитывать очень быструю и очень раздражающую смену цвета глаз с желтого на синий, то этот новый персонаж все равно давал бы фору любому из присутствовавших в плане какой-то странной, экстравагантной и в то же время отталкивающей гротескности. А проявлялось это в первую очередь совсем даже не в мохнатых бровях и вздернутом от гордости за себя любимого подбородке, и даже не в торчащих в разные стороны волосах на голове, а ведь их пряди были выкрашены во всякие разные цвета, многим из которых Люциус затруднялся дать название. Нет, страннее всего было видеть, что старший офицер геральдиеров дополнил свой строгий фиолетовый мундир с причитающимися вставками из серого и желтого совершенно неуместным и неуклюжим головным убором из толстой алюминиевой фольги. И к тому же в первую же секунду своего появления он сумел выплеснуть на всех присутствующих такой неистовый гнев и раздражение, какие только способен в себе скопить человеческий разум. А еще этот самый персонаж был как-то жутко, но приветливо холоден.

– Вы не можете этого сделать! – повторил он для тех, кто не понял с первого раза.

Тем временем капитан успел оправиться от неожиданного визита на мостик того, кому он толком даже не успел придумать подобающей должности или титула. Однако Люциусу не нужно было долго думать или гадать над категорической необходимостью поставить на место того, кто нарочито заплыл за буйки.

– Может вам зайти позже?

– Что?!

Голос капитана был вполне дружелюбен, но это только сильнее раздражало тех, кто соби-рался гнуть свою неискоренимую линию.

– Да как вы смеете?

Именно эта фраза сорвалась с языка так неожиданно появившегося на мостике геральдиера, когда его мило, но незамысловато послали куда подальше. При этом глаза его стали красными. Люциус не знал, что конкретно могло это значить, но знал, что точно не глубокое

и безграничное удовлетворение. Впрочем, капитан был неохоч до чужих амбиций и поэтому продолжил заниматься тем, чем привык заниматься в подобных и любых других трансгалактических экспедициях.

– Как подготовка? – спросил он у Скрота.

– Почти, – отвечал советник, и этого было достаточно для того, чтобы знать о том, что гайки и шурупы вертятся как надо.

Только вот это никак не устраивало негативно настроенные элементы.

– Я требую!.. – продолжал наглый тип, не намереваясь сдаваться.

В принципе у него быстро появились для этого весьма веские основания, как только вновь заработали двери лифта, и на мостик забежала дополнительная порция геральдиеров. И надо сказать, что на этот раз они были вооружены не словом, а самыми настоящими бластерами, которые стреляли не негодованием и упреками, а очень болезненными импульсными зарядами с разрывным эффектом.

«Вот мы и приплыли», – подумал Люциус, увидев всю эту феерию у себя на мостике.

Конечно, ему следовало быть готовым к таким неожиданным исходам, когда правительственный комитет по исполнению новых нововведений и резолюций потребовал от него принять на борт команду геральдиеров с целью повышения безопасности транспорта грузов и повышения качества трансгалактических сообщений.

«Фигня все это», – думал он тогда, а данная ситуация только эмпирически подкрепила его ранее необоснованные суждения.

– Что это значит?! – воскликнул Люциус, медленно поднявшись с кресла.

Его тяжелый взгляд был отрезвляюще прикован к глазам красного цвета.

– Пора бы объясниться, – добавил капитан.

– А вам пора бы подчиниться требованиям секретной полиции!

После такого оставалось лишь усмехнуться. Несомненно, тактическое, боевое и прочие преимущества были на оппонирующей стороне. Да и как иначе, если Люциус строжайшими запретами искоренил ношение личного оружия среди членов экипажа. Лишь когда миссия требовала более весомых аргументов на пути обеспечения конструктивных результатов, могло возникнуть соответствующее и необходимое распоряжение, и только тогда кто-то избранный получал хорошо запрятанное оружие. Но понятное дело, что этот канон никоим образом не распространялся на подразделение геральдиеров, в последний момент приписанных к экипажу космолайнера «Столкновение». И потому случайно подобранное название постепенно стало себя оправдывать.

Впрочем, причины происходящего были до сих пор не ясны.

– А причем тут секретная полиция?

– Молчать!

На этот раз цвет глаз переменялся на черный. И из-за этого постепенно начинало складываться пугающее ощущение, что капитан вскоре может стать дипломированным экспертом по цветовым метаморфозам у геральдиеров. Но еще больше его удивил шокирующий добавочный ответ оппонента:

– И вообще это уже давно не ваше дело!

«Позвольте, любезный», – мелькнула въедливая мысль в голове капитана.

И в диалоге она проявилась как следующая реплика:

– А вы не забываетесь, командор Ло?!

Цвет глаз остался прежним. Но возникла непродолжительная пауза, которая позволила Люциусу еще раз взглянуть на присутствующих членов экипажа. Он был совершенно не уверен в характеристиках последующих событий, но искренне надеялся, что высшие силы все-таки позволят ему узнать имена до сих пор безымянных техников и всех прочих еще более загадочных сотрудников капитанского мостика. Правда сколько Люциус не старался, ему все

же пришлось поддаться искушенному любопытству и совсем чуть-чуть поглазеть на угрожающе дымящиеся от напряжения стволы бластеров излишне возбужденных геральдиеров. И ведь возможно уже тогда из них могли начать вырываться убийственные импульсы, если бы все заранее сложилось немного иначе, а также если бы Джус, более известный как парнишка-адъютант советника Скрота, не снизил градус враждебности своим внезапным заявлением:

– Поступило еще одно сообщение!..

Услышав это, Люциус тотчас переместил стержень своего внимания с нацеленных на него бластеров на экран главного монитора, после чего коротко и ясно приказал:

– Покажите!

Никто не посмел ему возразить, и лишь пара-тройка техников воспользовались нужным моментом и позволили себе подкрутить несколько расхлябанных гаек. А в остальном все только молча ждали появления чуда на экране. Только вот никакого чуда не случилось, и монитор вновь воспроизвел будоражащий воображение белый шум и седовласого мужчину в черной полевой спецодежде, который появлялся в редких эпизодах и старательно пытался сообщить нечто дельное:

– Мы... не нужно... запрещаем... Искандарион... не ваше дело...

– Все то же самое, – заключил капитан, когда не увидел на экране ничего нового.

А вот среди правительственной гвардии зародилось совершенно противоположное мнение.

– Да снизойдет на вас нерушимость Устава!

Люциусу уже доводилось сталкиваться с подобными порывами пламенного патриотизма, в которых всегда особо отличался командор Ло, но на этот раз тот и в самом деле добился эксклюзива. Сорвав с себя алюминиевую шапку и трепетно прижав ее правой рукой к своему отчаянно патриотичному сердцу, командор Ло продолжал слагать:

– Да снизойдет на вас нерушимость Устава!

А все остальные геральдиеры старательно спешили его поддержать:

– Сегодня и во все века!

– Во все века!

И как бы в противовес всему этому сумбуру совершенно четко и рационально прозвучал голос советника Скрота, который даром время не терял и успел хорошенько поработать с клавиатурой, что собственно и позволило ему разобраться в поступивших данных.

– Кажется, это запись, и она транслируется через определенные промежутки времени, – именно таким и был его всеобъемлющий вывод.

«Вот и славненько», – подумал на это капитан.

Новая информация позволила ему обрести некоторое душевное равновесие, так что неудивительно, что почти тотчас он просто взял и, словно совсем потеряв какой бы там ни было страх, подошел к стенающему командору и его до зубов вооруженной группе сопровождения. Секунды две-три Люциус медлил, оглядываясь по сторонам и вскользь улыбаясь, а потом, дождавшись, когда им лично мало уважаемый Микай Ло наконец-то исчерпает свой рьяный запас реплик типа «Да снизойдет на вас нерушимость Устава!», заявил не нагло, но все-таки с некоторой издевкой:

– Может вам уже пора покинуть капитанский мостик?

– Что?!

Теперь, когда два отнюдь не второстепенных персонажа стояли лицом к лицу, Люциус имел возможность воочию наблюдать за всеми мелкими деталями резкой перемены расцветки глаз разгневанного геральдиера. И это только больше его веселило, да так, что он уже не мог скрывать улыбку, кривя губами. И, конечно же, это только сильнее раззадорило горделивую злость его оппонента.

– Да как вы смеее?!

Но капитан был непреклонен в своих насмешках.

– Не знаю, какие у вас там дела с секретной полицией – это сугубо ваше личное дело, но на моем космолайнере вы всего лишь гости и потому извольте убратся с мостика и заняться тем, чем вы там пока еще способны заниматься...

Неудивительно и вполне ожидаемо, что командор Ло воспринял этот отрезвляющий ультиматум в штыки, ведь в его недалекой голове уже давным-давно сформировался иллюзорный пейзаж грандиозной победы и несокрушимого триумфа. Так что его ответом было очередное резкое и пышущее холодом требование:

– Немедленно сдайте командование!

– С какого это перепугу?!

Да, это был очень резкий вопрос на очень резкий ответ. А ведь Люциус именно этого и добивался, а точнее скорейшей развязки этой уже порядком надоевшей перепалки. Запутанный ворохом ежедневных событий капитан совсем запамятовал, зачем несколько дней назад он вызвал техников на мостик. Обычно его мозг занимало нечто более важное. Однако данная критическая ситуация потребовала от него пересмотра приоритетов, что собственно и позволило ему две с половиной минуты назад вспомнить то, что нужно и своевременно понять при чем тут последние завинченные гайки, а также почему советник Скрот так настырно ему подмигивает в течение этих самых двух с половиной минут.

Но предводитель геральдиеров не обладал способностью учуять эти подводные течения и потому настырно продолжал гнуть свою линию:

– Мы требуем безоговорочно удовлетворить непререкаемые требования тайного аванпоста секретной полиции трансгалактических пространств...

– Требуете?! – и тут капитан разошелся, – Да кто вы такие, чтобы требовать?!

– Мы-мы...

– ...пустое место – вот что вы есть на самом месте. Не нужно считать, что если кто-то сверху поспособствовал вашему появлению на этом космолайнере, то вы теперь якобы пуп всех созвездий и галактик. Отнюдь...

Холод блеснул в глазах командора Ло, когда он все это услышал. И это не метафора. Его глаза действительно разительно побелели и стали удивлять окружающих светящимся перламутровым блеском. Впрочем, это не предвещало ничего хорошего. На этот раз он не угрожал, не требовал, а просто и доходчиво скомандовал:

– Огонь!

«А что, если...?» – мысленно мелькнуло в голове капитана.

Но «если» не произошло. Только резко и неожиданно прозвучал неприятных скрипучий звук, весьма похожий на приглушенный кашель группы застарелых туберкулезников, умудрившихся одновременно заработать пневмоторакс. А главное, что не было не выстрелов, ни крови, ни мертвых тел... Только обескураженные геральдиеры оглядывались друг на друга в поисках сакральных объяснений неочевидного и невероятного.

И понятное дело, что хуже всех в этот момент выглядел командор Ло. Ранее смятая им алюминиевая панама, которую он до сих пор удерживал в руке, как стратегический тотем незаметно выскользнула из его ослабшей хватки и упала на пол, добавив тем самым еще немного шороха и скрипа в общий диссонанс. Ну а глаза командора теперь вообще не имели никакой окраски, а представляли собой сплошные расширенные от удивления зрачки.

– Что?.. Что это значит? – заикаясь пробормотал Ло, когда оружие его сторонников растворилось в воздухе как бортерианский туман.

В голосе геральдиера явственно читалась откровенная паника, которая в свою очередь просто не могла не радовать капитана космолайнера «Столкновение». Кроме того, теперь, когда технически грамотно сработала только что установленная новейшая система защиты капитанского мостика от вооруженного проникновения и саботажа, «все еще капитан» мог

наконец-то расслабиться и даже рассмеяться. Что Люциус собственно и сделал с превеликим удовольствием. Его звонкий смех мгновенно разнесся по всему мостику, и к этому будоражащему звуку тотчас присоединилась радость всех остальных членов экипажа, ведь им чудесным образом посчастливилось остаться в живых и не оказаться на гауптвахте.

– Нет... нет... нет..., – отчаянно пытался возразить Ло, отступая на полшага и до сих пор выискивая в руках опростоволосившихся подчиненных заветные бластеры.

Но их не было. Они исчезли без следа, растворились на субатомном уровне. И пока кто-то смеялся, и пока кто-то старательно сдерживался от рыданий, очень тихо и неожиданно пропигнал сигнал уведомления о прибытии нового сообщения.

– Ну что там еще? – спросил Люциус, негодуя из-за того, что ему пришлось перестать извергать из себя лучистые брызги смеха.

Впрочем, ответ был весьма прогнозируемым.

– Все то же самое, – ответил капитану советник Скروت, мельком просмотрев спецификации сообщения, которые ему представил его адъютант, а затем вывел видео на экран.

«Думаю, можно было обойтись и без этого», – мысленно предположил Люциус, когда в очередной раз увидел белый шум и седовласого мужчину в черной полевой спецодежде, который все так же редко появлялся на экране и неустанно мямлил:

– Мы... не нужно... запрещаем... Искандарион... не ваше дело...

– Да, это определенно запись, – согласился капитан с прежним заключением советника.

Однако геральдиеров это обстоятельство совсем не заботило, так что они снова, хотя и немного вяло, стали скандировать:

– Да снизойдет на вас нерушимость Устава!

– Сейчас и во веки веков! – поддержал их Люциус, прекрасно понимая, что все они всего лишь случайные жертвы обстоятельств.

А вот командор Ло не проронил ни слова, а лишь продолжал смотреть на окружающий мир широко раскрытыми зрачками, в которых надолго застряло непонимание невероятной возможности потерпеть поражение в борьбе за правое дело. Пришлось капитану и его немного расшевелить. Для этого он положил свою руку на плечо командора и сказал с предельно возможной доходчивостью:

– Ничего, Микай, будет и на твоей улице праздник. А пока прошу тебя и твоих людей покинуть капитанский мостик и ждать дальнейших распоряжений.

Командор не сумел сказать что-либо против предложенной концепции. Хотя имело ли смысл продолжать противостояние? Для него, безусловно, да. Но в данной ситуации он спешно сложил все возможные плюсы и минусы и решил, что благоразумнее пока что отступить, пускай и с позором.

– Так что? – нетерпеливо поинтересовался у него капитан.

– Мы уходим, – тут же безоговорочно ответил ему Ло.

Далее он неспешно развернулся к дверям лифта и жестом пригласил всех своих соратников следовать за ним. Сказать что-то по этому поводу командор не мог, а точнее не хотел. И все потому, что большего конфуза, чем сейчас, с ним никогда не случалось, а значит, он не знал как правильно себя вести, оказавшись в подобном жизненном тупике, и в связи с этим предпочитал отмолчаться. В этом одутловатом молчании с опущенным вниз взглядом командор хоть и нехотя, но все же дошел до лифта и едва заметно дрожащим пальцем осуществил вызов.

«О, Боже! О, Боже!» – думал все те несколько секунд Микай Ло, которые он потратил на скользко-тревожное ожидание прибытия транспортного средства.

Причиной такой тяжелой нервозности были устремленные в его хребет тяжелые взгляды, принадлежащие тем, кого он подвел и тем, кто торжествующе праздновал его поражение. Так что, когда двери наконец-то распахнулись перед его носом, командор облегченно выдохнул

скопившееся в легких напряжение и не менее облегченно подумал: «Ну, слава Богу!», – и на этот раз сделал быстрый шаг вперед.

– Всего хорошего! – крикнул ему вслед Люциус, которому очень хотелось смаковать свое хитроумное торжество.

Очевидность этого притязания явственно отражалась на лице капитана, когда командор резко обернулся, будучи уже внутри кабинки, намереваясь непосредственно столкнуться со злобными усмешками в свой адрес. Однако обернувшись, он не смог ничего сказать или сделать. Духу не хватило. К тому же Люциус Сфер так обезоруживающе улыбался.

– И не забудьте отобедать! – добавил капитан, так и не дождавшись контрреплики, а потом двери лифта закрылись.

«Отнюдь», – подумал командор, когда транспортное средство пришло в движение, но это уже не имело никакого значения.

Предводитель геральдиеров покинул капитанский мостик в гордом одиночестве. И вовсе не потому что все прочие представители правительственной гвардии намеревались остаться на мостике в противовес директивам капитана космолайнера. Просто никто из них не решился составить компанию своему поверженному предводителю в столь тяжелый для него час, прекрасно осознавая возможные риски попасть под горячую руку. Нет, все они предпочли убраться с капитанского мостика следующим рейсом.

И как только это произошло, жизнь вернулась в прежнее русло.

– Итак, что мы имеем? – спросил Люциус, обращаясь к трансгалактическому советнику.

Но Скроту не понадобилось излишне напрягать извилины, ведь все уже давным-давно было подготовлено, изучено и сто тысяч раз перепроверено. И лишь получасовая перепалка с вооруженными, а потом и обезоруженными геральдиерами не позволила ему триумфально преподнести капитану тщательно пережеванную информацию на разукрашенном брелю персиперианском блюдечке.

Впрочем, вместо блюдечка как обычно был использован экран главного монитора, на котором тотчас появилось новое, ранее никогда нетранслировавшееся изображение. Оно представляло собой детальную схему планетарной системы Эстуриум, состоящую из шариков, точек и траекторий.

– А вот и то из-за чего возник весь невообразимый сыр-бор, – сказал советник Скрот, будто неожиданно открывая очередное чудо света.

На самом же деле он просто ненавязчиво просил капитана ознакомиться с той областью космоса, в которой космолайнеру «Столкновение» придется задержаться на неопределенный промежуток времени ради высокой и почетной миссии спасения человечества. Впрочем, чудо света выглядело вполне обыденно и традиционно. В центре системы находилась обычная среднестатистическая звезда стандартного иссиня-черного цвета, а вокруг нее неспешно вращалось несколько планет. Обитаемой являлась только первая из этой скромной совокупности и представляла собой сине-зелёный шар по имени Искандарион, по массе и объёму раз в пять уступающий несокрушимо центру Трансгалактического Синцития – планете Терра Прайм. Все прочие небесные тела представляли собой обычные безжизненные и бесполезные скопления твердых каменистых пород и космического льда. Хотя, наверное, тысячу или миллион лет назад на некоторых из них имелись богатые залежи весьма полезной и ценной руды. Однако те годы оказались далеко позади, и теперь уже никто не хотел бурить их поверхность, и более того никто не хотел даже пролетать рядом с ними. И причиной тому была не какая-то там антипатия, а элементарная техническая предосторожность, вытекающая из того, что лучше избегать массивных скоплений космического мусора в любом трансгалактическом путешествии. А этого никому ненужного добра вокруг безжизненных планет системы Эстуриум было более чем предостаточно. О причинах его появления было совсем не сложно догадаться. Просто в те стародавние времена, когда на этих планетах велась разработка руды, мало кто думал о

последствиях и потому все шлаки и отходы тупо и бесконтрольно выбрасывались в очень разряженную атмосферу, а то и дальше. И, в конце концов, это привело к тому, что вокруг планет сформировались огромные слоистые кольца космического мусора.

– Сигнал SOS по-прежнему поступает с поверхности Искандариона? – спросил Люциус, когда ему надоело вникать в астрономические детали.

– Так точно, – ответил советник.

– А что там с тайным аванпостом секретной полиции?

Эта тема беспокоила капитана гораздо больше, как, впрочем, и самого трансгалактического советника. Ведь именно из-за полученного с аванпоста сообщения была объявлена ситуация пять-три-икс. Только вот Скрот не смог сообщить ему ничего дельного, кроме очередного набора бесполезных цифровых значений:

– Сообщение повторяется с интервалом в одиннадцать минут тридцать семь секунд...

– Что это может значить?

Задавая вопрос, Люциус прекрасно осознавал, что периодически повторяющийся видеопоток с тайного аванпоста может означать что угодно. Главное, что секретная полиция не угрожает им в открытую, а то у них появилось бы гораздо больше проблем, чем уже имелось на данный момент. Приблизительно того же мнения придерживался и Скрот, раз ответил капитану репликой:

– Неважно. Согласно нерушимости Устава, подобные сообщения можно игнорировать в случае возникновения гуманитарной катастрофы или обнаружения угрозы ее возникновения.

Так что мы можем спокойно...

– И все же..., – оборвал неискоренимую демагогию трансгалактического советника капитан Люциус Сфер, который как обычно не мог избавиться от врожденного алчущего любопытства, – Что такого могло произойти в их законспирированном логове, что всевидящее око секретной полиции трансгалактических пространств внезапно стало незрячим, да еще каким-то несуразно-навязчивым...

– Нас это не касается, – коротко и сухо заявил Скрот.

– Возможно, – отрешенно заметил Люциус, перебегая взглядом с советника на главный монитор и обратно, – А что если все это как-то связано или им тоже необходима помощь? Может все не просто так и это настойчиво повторяющееся видеообращение на самом деле весьма значимое предупреждение, имеющее весьма значимый смысл?

«Вот теперь и я сам ударился в демагогию», – подумал капитан, вслушиваясь в свой голос, – «Как не стыдно?»

Правда ни наивные желания, ни бурные фантазии никак не могли повлиять на принятие окончательного решения, что собственно и сумел выразить словами советник Скрот:

– В любом случае мы не в силах обнаружить местонахождение тайного аванпоста секретной полиции, так что давайте уже займемся делами насущными...

«И впрямь», – подумал Люциус и тут же мысленно переключился.

Понятное дело, что в следующее мгновение капитану пришлось вспомнить о взаимных торговых обязательствах с Гвалдским коммерческим союзом и о том, как крайне нежелательно огорчать верхушку этого гигантского и очень злобного трансгалактического айсберга. А это в свою очередь заставило его задуматься на тему излишних и неоправданных задержек в каком-то Богом забытом секторе космоса.

– Так что там с командой высадки?

Скрота в тот момент было спрашивать бесполезно. Он относился к той категории личностей, которым только дай волю, и они бросятся в омут с головой из-за первой попавшейся мелочи. Вот и сейчас казалось, что советник в некотором роде потерял связь с реальностью и переместился в особое трансцендентное пространство, где существует лишь его воспалённое сознание и его навязчивая мечта о сине-зеленой планете Искандарион. И, пожалуй, чтобы вер-

нуть Скрота обратно в мир дел насущных понадобилась бы не одна громкая и резкая реплика. Капитан же не имел в себе какого-либо желания усложнять себе жизнь рядовыми бытовыми перепалками, особенно после того как полоумная правительственная гвардия едва не изрешетила его из бластеров и потому решил разобраться с насущными проблемами, минуя старшую инстанцию.

– Джус, кажется?

Вопрос прозвучал очень осторожно, так что пятнадцатилетний мальчишка не сразу сообразил, что к чему и потому какое-то мгновение продолжал колотить кончиками пальцев по клавиатуре, старательно выбивая из нее непознанные ранее истины. Но как только до него дошло, что с ним разговаривает капитан, он тотчас резко встрепенулся и обратил свой светлый штрафийский взор на высшее руководство.

– ...если не ошибаюсь...

– Все правильно, сэр.

Молоденький адъютант трансгалактического советника был в курсе, как, впрочем, и многие другие, что капитан был весьма и весьма слабоват в плане запоминания чьих-либо имен, а также названий и иных подобных вещей. И поэтому Джус высочайше возрадовался, когда тот сумел вспомнить какого-то там мальчишку. Правда счастье длилось недолго, и в следующую минуту ему пришлось подумать о том, почему это его приземистая персона удостоилась такого высокого внимания, и потому слегка покосился в сторону боковым зрением. И там он увидел вполне ожидаемую картину. Как любили поговаривать все без исключения научные консультанты экипажа космолайнера «Столкновение»: «Советник грезит...». Да и как иначе было описать то сомнамбулическое состояние, из которого Скрот замороженно всматривался в изображение сине-зеленой планеты.

А тем временем капитан настойчиво требовал результатов.

– Так что там с командой высадки?

– Полный порядок. Все извещены. Шаттл в стадии предполетной проверки. Сбор на девятнадцатой палубе через четырнадцать минут...

«Замечательно», – подумал Люциус, получив первые хорошие вести за целый день.

Конечно, капитан был бы гораздо более счастлив, если бы смог просто улететь прочь мимо треклятой системы Эстуриум с ее треклятыми сигналами о помощи. Но теперь было слишком поздно для того, чтобы что-то менять. Возможно раньше, до того, как на мостик ворвался отряд до зубов вооруженных геральдиеров, он мог бы попытаться заткнуть за пояс альтруистические позывы советника. Сейчас же, когда уже потрачено столько эмоций и переживаний во имя пресловутых жителей Искандариона, Люциус просто не мог себе позволить отступить, даже если на деле это всего лишь полшага или миллиметр.

– Нужно ваше подтверждение...

– Что?

В запале собственных мысленных баталий капитан и сам ненадолго стал почти неотличим от советника Скрота в плане степени выраженности творческой экзальтации, но Джус своими вопросами быстро вернул его на место.

– Вы согласны с текущей комплектацией команды высадки?

«Да о чем он собственно говорит?» – мысленно возмутился Люциус, но тут же сообразил, что к чему, подошел поближе к рабочему месту адъютанта и пристально уставился на монитор. Правда, особого восторга увиденное ему не принесло. И вовсе не потому, что в списке из десяти человек скрывалось что-то плохое. Нет, на самом деле он как обычно смотрел на имена и терялся в догадках о ком идет речь.

Впрочем, Джус всегда был сообразительным пацаном и вовремя прокомментировал:

– Джекель, Хайнс, Роттель и Скраун – научная часть команды. За технику будут отвечать Кропечь и Шаршун, в качестве пилота мы взяли Таранталя, а координистом Наскака...

– Вы?

Частичное замешательство адъютанта ясно проявилось на его юношеском лице, как только до его ушей дошел странный и неуместный вопрос капитана. Он не понимал, о чем идет речь, но нужно было что-то ответить, и пришлось сказать:

– То есть...?

– Ты остаешься здесь, – сказал капитан и тогда стал ясен завуалированный смысл вопроса.

Однако появившиеся объяснения дали лишь повод Джусу войти в куда больший ступор.

– А... а как же планета..., – бушующие внутри эмоции не позволили ему сказать нечто более членораздельное.

Но надо понять, что Люциус Сфер был капитаном, а не нянькой. И понятное дело, что на космолайнере, а тем более на мостике не было места для сопливого ребенка, беспросветно хнычущего, если у него отбирают конфетку или любимую игрушку. К счастью Джус тоже прекрасно понимал правила, по которым живет космос и те, кто решился бороздить его просторы. Так что после секундной слабости парнишка собрал всю волю в кулак и предстал перед капитаном в состоянии, достойном похвалы.

– Так точно! – сказал он.

Люциус посмотрел ему в глаза своим холодным заволаживающим взглядом и понял, что не ошибся с выбором, но все же ради приличия с минуту испытующе смотрел на адъютанта и лишь потом сообщил:

– Твой мир где-то неподалеку?... А значит, ты должен иметь хоть какое-то представление об этом секторе...

– Совсем маленькое, – уточнил Джус, который был в последний раз на родине лет в пять или шесть, то есть достаточно давно.

Но для капитана это уже не имело значения. Люциус принял нужное решение. А что касается выбора людей и приспособленный под них целей он ошибался редко, ведь всегда следовал интуиции, чутью и возможно даже велению высших сил. Впрочем, неважно чему он там следовал, важно то, что он сказал:

– Ты останешься за советника.

А потом Люциус повернулся к Скроту, который все еще гипнотически пялился на главный монитор, запечатлевший изображение сине-зеленой планеты, и положил руку ему на плечо.

– Пора, – заявил капитан.

Он знал, что никакое слово не способно вызволить трансгалактического советника из его трансцендентного мира, так что прозвучавшее заявление было всего лишь условностью. Другое дело, что тактильное прикосновение было аргументом совершенно иного рода и являлось по-настоящему действенным. Эффект проявился сразу и вот Скрот уже смотрел на капитана, словно и вовсе не терялся в придуманных пространствах.

– Пора, – повторил Люциус.

Скрот ничего не ответил. Он только вскользь окинул взглядом мостик, как бы проверяя, что все на месте, что все в порядке, а затем быстрым шагом направился к лифту.

Прошло совсем немного времени, прежде чем советник покинул капитанский мостик, но за это короткое мгновение Люциус успел испытать странное чувство, словно между ним и Скротом, которого он ранее с трудом переваривал, внезапно сформировалась эмоциональная связь.

– Странно, – прошептал Люциус, едва двери лифта закрылись.

«Странно», – отразилось эхо где-то в глубинах подсознания.

Однако едва все проблемы, ради решения которых капитан прибыл на мостик, себя исчерпали, тут же возник резонный вопрос: «Что дальше?». Ведь ни пресловутый тайный аван-

пост, ни взбунтовавшиеся геральдиеры уже не угрожали экипажу, да и спасательная миссия разрулит все сама...

«А как же я?» – размышлял Люциус на тему предстоящего досуга.

Вариантов была тьма-тьмущая. Но это обстоятельство совсем не походило на какой-то очень положительный и бесконечно гигантский плюс, а лишь усугубляло процедуру выбора, так что ему пришлось серьезно покопаться в своих прерогативах и настроиться на нужную волну. Хотя надо сказать, в его сердце не нашлось места никакому даже самому микроскопическому желанию еще хоть сколечко восторженно наслаждаться пейзажем ослепительно белого космоса в иллюминаторах капитанского мостика.

– Если что – зовите, – сказал он рулевому Кромбле.

Тот в ответ скусающе кивнул головой и вернулся к своим расчетам. Нечто подобное сделал и молоденький адъютант. Ну а все остальные, кто так и суетился на просторах капитанского мостика, вовсе не обратили на него внимания и беззаботно продолжили заниматься всем тем, о чем Люциус мог только догадываться.

«Вот и славненько», – мысленно подбодрил себя капитан и спешно зашагал к лифту, подобно тем, кто смог его опередить.

Впрочем, когда двери лифта закрылись, и он оказался изолированным в ограниченном пространстве транспортной коробки, перед ним вновь появилась неразрешимая дилемма: «Куда же ехать или плыть?».

Пауза затянулась, и в конце концов система технической автозащиты усмотрела в этом опасную неполадку и поспешила разбудить искусственный интеллект, дабы он вконец запудрил мозг и так очумевшему капитану.

– Капитан Люциус Сфер, с вами все в порядке? Вы себя хорошо чувствуете?

– Да-да, все путем, – пришлось ответить пленнику лифта, чтобы не попасть в куда большие неприятности.

Конечно, он немного злился и на себя, и на чертову систему технической автозащиты, но все равно никак не мог разобраться в своих желаниях. А искусственный интеллект тем временем и не собирался униматься:

– Куда бы вы хотели отправиться?

– Не знаю.

– Весьма прискорбно.

«Да неужели», – подумал Люциус, еще больше злясь на всех и вся.

– А может вам посетить вашу личную столовую и отобедать? Как раз время подходит...

«А ты не так уж и глуп», – мысленно заметил капитан.

– Спасибо за комплемент.

Да, злость исчезла, но теперь Люциус чувствовал себя слегка сконфуженным, так как совсем позабыл о телепатических и эмпатических настройках искусственного интеллекта. А тем временем лифт успел доставить его на тринадцатый уровень в зону сорок семь и вежливо попросил покинуть свое нутро:

– Приятного дня, капитан.

– И тебе не хворать, – ответил Люциус.

Едва он распрощался с назойливым искусственным интеллектом, как его уже ждала встреча с прекрасной богиней кулинарного обслуживания.

– Добрый день, капитан. Добро пожаловать к столу.

Люциус совершенно не помнил, как зовут эту прекрасную шатенку с округлыми формами и длинными каштановыми волосами, ниспадающими на ее белоснежные плечи, но точно знал, что это и есть живое воплощение женщины его мечты. В голове суетились какие-то затертые памятки-обрывки типа «Шершамия» или «Шержалия», но это теряло всяческое значение, как только она начинала ослеплять его лучезарной улыбкой полной подлинного света. И тогда

он начинал понимать, что звезды никуда не исчезли, не погасли, а все еще существуют и даже в этом совсем не светлом мире. И главное, что эта прекрасная нимфа каждый раз с нежным трепетом брала его за руку, всматривалась своим всепроникающим голубоглазым взором в самые потаенные глубины его души и с томной обходительностью усаживала на диван, после чего с предельной наивностью спрашивала:

– Чего вы сегодня желаете?

«Тебя», – хотелось сказать капитану каждый раз, когда наступал этот момент.

Да, он хотел ее целиком и полностью, хотел обсосать, облизать, хотел непрерывно внедряться в ее размокшую от желания плоть, хотел, чтобы она кричала, извивалась под ним, впивалась в него зубами и когтями...

Однако все это было лишь в мечтах. А в реальности его потребности были крайне скудны, и потому каждый раз она сама предлагала что-то из возможного кулинарного ассортимента.

– Бурбулианский суп?

– Точно, – произнес Люциус, словно всегда о нем мечтал.

– Сию минуту.

Девушка снова ему улыбнулась и собралась было на некоторое время отлучиться, как вдруг каюту, как, впрочем, и весь космолайнер в целом, сотряс удар неимоверной силы. Сначала капитан не понял, что происходит, но чуть погодя, когда последовал второй и третий удар, он собрался с мыслями и прошептал:

– Кажется, я кое-о-чем позабыл...

Глава 3: С небес на землю

Утро только собиралось наступить в небольшом селении Чвангак, расположенном в умеренных широтах восточного полушария планеты Искандарион. Черное как смоль солнце по имени Эстуриум все еще гуляло где-то в другом месте, а молочно-белое небо пока что сохраняло свою ночную непорочность, лишённую дневных примесей фиолетовых излучений звезды. Впрочем, ближе к пяти часам утра небо стало понемногу сереть и темнеть из-за незапланированного прибытия грозных дождевых туч.

– Чертов метеопрогноз! – сказала девушка, лежавшая на сеновале, укрытом от непогоды надежным водонепроницаемым навесом.

Она была не одна. Другая девушка лежала рядом и спала, опустив голову ей на грудь. Резкое заявление подруги заставило ее немного отпрянуть ото сна, однако чарующая власть утренней дремоты была слишком сильна, чтобы позволить ей разомкнуть веки, так что пришлось спрашивать сквозь сон:

– Что такое?..

– Ничего, милашка. Спи дальше, – последовал ответ, произнесенный нежно шуршащим шепотом, – Теперь времени на сон просто завались.

Последняя фраза не была ироничным или саркастичным замечанием. Девушка всего на всего и именно таким образом кратко обрисовала перспективы нового трудового дня. Да, собирающийся дождь немного расстроил их планы по уборке корнеплодов, но повода отчаиваться не было, ведь за прошедшую ночь им удалось отработать тройную норму по сбору урожая, подготовить большой крытый грузовик к отправке на рынок, а под конец еще и выгнать скот на пастбище. Так что даже удивительно, что после всего этого у них остались силы на страстную и необузданную любовь, которой они придавались то медленно, то взхлеб, пока не потеряли счет собственных оргазмов.

«Это была веселая ночь», – думала та, что не спала, и вслушивалось в стук падения первых дождевых капель на навес сеновала.

Такое с ней произошло впервые. Не то чтобы в свои девятнадцать лет она была скромницей и недотрогой. Совсем наоборот. Ей часто приходилось гулять и целоваться с другими девочками в те дни, когда ее семья жила в городе. Но когда вся семья погибла во время эпидемии три года назад, ей пришлось переехать к своей троюродной сестре Тая, жившей и работавшей на собственной ферме. Бремя потери давило на нее все это время и не давало возможности подумать о потребностях собственного тела. Однако здоровый и полезный труд в конце концов вылечил ее разум. И потому теперь ее душа и тело были полностью обнажены. Она лежала на сене в обнимку со своей обнаженной сестрой и мысленно смаковала все мельчайшие подробности произошедшего, от чего ее бедра сладострастно сжимались, а между ними становилось так влажно, что никакой дождь не мог сравниться с этим потоком.

– Я проснулась, – прошептала Тая, когда дождь стал стучать по крыше навеса сильно и по-настоящему, а не как прежде, не еле-еле, – Проснулась...

И потом ее рука медленно скользнула по животу и ниже...

– Да у нас тут...

Скорее всего, после этих слов могла бы последовать бурная эротическая сцена с нежными поцелуями сосков, касаниями языком влажного клитора и проникновением пальцев во влагалище, а может даже и в упругий анус. Но этого не случилось. Резкий ревущий звук заставил Тая испугаться, поднять голову с груди подруги и начать опасно оглядываться по сторонам в поисках неведомой угрозы.

– Что это, Сия? – воскликнула она.

– Хотелось бы знать.

Тем временем ревущий звук все нарастал и нарастал в своей мощности и силе, так что вскоре началась такая вибрация, что навес, построенный быть устойчивым к непогоде, стал ходить ходуном, словно на самом деле был вырезан из тонкого картона.

– Может это Апокалипсвис?..

– Вряд ли.

Жизнь и смерть в городе научили Сию быть немного циничной, так что она не верила ни в какую божественную и религиозную муть. Да и вообще до начала эпидемии, унесшей две трети населения планеты, ей почти что удалось окончить школу, что в свою очередь подразумевало неискоренимое наличие в голове определенных знаний о различных физических явлениях. И именно это позволило ей не испугаться подобно сестре и попытаться проанализировать происходящее.

– Кажется, это падает с неба...

– Тогда точно Апокалипсвис...

– Да нет же, дуручка...

Сия не хотела обидеть сестру. Просто немного злилась из-за того, что по непонятным причинам ищущим пальцам, лежащим на ее клиторе, пришлось убраться восвояси. Такое не могло не злить, такое не могло не расстраивать, и другая женщина прекрасно это понимала. К тому же Тая была не из обидчивых персон и давным-давно привыкла к иногда не очень корректным высказываниям возлюбленной.

– Нужно выйти наружу, – решила в конце концов Сия, прервав тем самым череду непростых размышлений о таинственной природе происходящего здесь и сейчас явления.

– Но там же идет дождь?..

Замечание было вполне уместным. Однако девушки были совершенно голыми и потому никак не могли промокнуть. Да и простыть тоже не могли, так как уже вторую неделю погода была очень теплой и даже по ночам температура не спадала. Впрочем, логическая схватка всех за и против не понадобилась, потому как девичий авантюризм в таких ситуациях всегда играет главенствующую роль.

– Я хочу посмотреть, – сказала Сия и все тут.

– Тогда пойдем, – повиновалась Тая.

А грохот и вибрация все нарастали и нарастали. И это совсем не помогало двум сестрам в том, чтобы избежать некоторых случайных травм в попытках выбраться с сеновала. Раз три они очень больно столкнулись лбами, пробормотали «ой-ё-йой» и пошли дальше, однако уже почти у самого выхода несколько высоко уложенных тюков упали прямо на них, и это уже было посерьезнее. К счастью кости остались целы, хоть и немного помяты, да и тюки были не слишком тяжелые, так что девушки смогли быстро выбраться из-под них.

– Больно, – пожаловалась Тая, когда уже стояла на ногах и потирала ушибленный локоть.

– Терпи, – ответила Сия и повела ее за собой.

Надо сказать, ей и самой изрядно досталось, да так, что первые несколько секунд после неприятного происшествия с тюками чудовищно кружилась голова. К тому же не сразу стало ясно то ли это и впрямь головокружение, то ли окружающий бедлам перешел в новую еще более безумную стадию. Однако потом все, за исключением непрекращающейся тряски и завывания откуда-то сверху, прошло. Правда, из-за полученных от сена царапин неприятно саднили щеки. Но и эта проблема быстро себя исчерпала, когда Сия шагнула за порог и оказалась охваченной мощным дождевым потоком.

– Божественно! – воскликнула она, упиваясь теми ощущениями, которые давали тугие струи дождя, что врезались в ее плечи, груди и ягодицы, а потом струились по спине, бедрам и животу, – Как в сказке!

И в этом упоении она горделиво подняла свой взор к небу, где и увидела то, что явилось причиной безудержного воя и тряски. Пока что оно находилось слишком высоко, но уже все-

ляло леденящий кровь ужас. Его объяло огненное свечение, тучи в страхе отступили от этого монстра и прежде чем Сия успела дать собственную оценку наблюдаемому, Тая ее опередила и высказала наиболее очевидное мнение:

– Апокалипсывис!

На этот раз Сия не нашла в себе сил возразить и просто продолжила молча наблюдать как с небес на землю опускается самое кошмарное чудище на свете. Но чем ближе к земле оно становилось, тем все менее сюрреалистичней оно воспринималось, так что когда непонятное нечто все же приземлилось и сдержанно фыркнуло, то это знаменательное событие не вызвало никаких громких эмоций, а только скупое недоумение. А все потому, что сестры теперь видели не монстра, а странный и непонятный летающий сарай.

– Чуть какая-то, – определила Тая.

– Точно, – поддержала ее Сия.

Правда девушки все же удивились, когда двери летающего сарая отворились и перед ними внезапно появились странные существа с голубыми глазами и светлыми волосами. Они никогда раньше не видели ничего подобного, и это вызвало в них некоторое смятение.

– Кто вы? – спросила Сия сильно дрожащим голосом.

– Мы – друзья, – ответило одно из существ и протянуло ей руку.

На самом деле это был трансгалактический советник Скрот, а научная часть его команды высадки, представленная Джекем, Хайнсом, Роттелем и Скраном, стояла позади него. Но кому было до этого дело? Точно не двум голым девушкам, живущим где-то на задворках цивилизации среди полей и лесов.

– Кто вы? – повторила свой вопрос Сия.

На этот раз она собрала все имевшееся в ней мужество и заставила свой голос перестать дрожать. Впрочем, это было несложно, ведь по большей части Сия переживала не за себя, а за свою сестру-возлюбленную. Скрот же в свою очередь из всех сил пытался напрячь весь свой дипломатический опыт, понимая, что нет ничего хуже и опаснее, чем до чертиков перепуганные женщины.

– Мы не причиним вам вреда.

Внезапно дождь прекратился, и легкий порыв восточного ветра заставил тучи умчаться прочь, обнажив тем самым обворожительную картину того, как непревзойденно и величественно Эстуриум выплывает из-за горизонта в переливающимся и многогранном фиолетовом ореоле собственного свечения.

«Романтика», – подумал трансгалактический советник.

Тем не менее, его занимали мысли и другого рода. Несомненно, он участвовал во многих разнообразных миссиях, в которых приходилось сталкиваться как с мирными селянами, встречавшими пришельцев с хлебом и солью, так и с озлобленными насекомыми-некрофилами. Однако эта высадка с определенного момента стала восприниматься им как нечто особенное. И скорее всего этот момент наступил как раз тогда, когда нечто в низу его живота стало оживать от сладострастного наблюдения за тем, как дуновение ветра заставляет набухать женские соски.

«Романтика», – подумал трансгалактический советник еще раз.

И теперь ему уже совершенно точно стало ясно, что происходящее с ним относится к несколько другой сфере, и потому пришлось мысленно поблагодарить портных, сшивших его специальную походную униформу зеленого цвета, ведь она была скроена так, что никто из посторонних так и не смог догадаться о его чрезмерном напряжении.

– Откуда вы?

Новый вопрос заставил Скрота вспомнить о своих обязанностях и долге перед Вселенной. Это было куда важнее какой-то там эрекции, так что он наконец-то занялся делом, а не созерцанием чужих прикрас.

- Мы прибыли с космолайнера «Столкновение». Он находится на орбите...
- Зачем?
- Мы получили сигнал SOS и согласно трансгалактической практике ...
- Что такое SOS?
- Его еще называют сигналом бедствия, который является унифицированным признаком гуманитарной катастрофы...
- Откуда?
- С этой планеты, но точных координат не удалось определить из-за суборбитальных и атмосферных помех...
- Откуда?
- Не знаю...
- Тогда зачем вы здесь?
- Чтобы помочь...
- Кому?

Трансгалактический советник Скروت привык к несколько другому порядку ведения диалога. Обычная, хоть и красивая, девушка настолько быстро задавала ему вопросы, что он вконец запутался, пытаясь скоротечно поразмыслить над каждым из них и также быстро дать самый политкорректный ответ. Но не собственная некомпетентность волновала его в тот момент, а то совершенно прозрачное обстоятельство, что девушка продолжает воспринимать его и всех остальных как очень опасную угрозу. Холодный блеск ее карих глаз, резкие нотки в голосе и спрятавшаяся за спиной подруга были тому прямым доказательством. И было более чем очевидно, что еще одна фраза типа «мы – друзья» никак не исправит положение.

- Всем раздеться! – приказал Скروت.
- Раздеться?

Эта неординарная идея, что возникла в голове советника, выглядела в глазах остальных членов научной команды полным сумасшествием. Только вот согласно указаниям капитана, все они должны были беспрекословно выполнять любые его приказы и требования. Правда это вовсе не означало, что научный консультант Джекель не смог себе позволить некоторую вольность и спросить:

- Вы уверены, советник?
- Абсолютно, – таким был ответ Скрота.

Возникла короткая пауза негодования, а потом всем пришлось подчиниться и начать процедуру раздевания. Конечно же, с неохотой и без каких-либо стремлений, однако приказ есть приказ и ничего тут не попишешь.

«Вот тебе и поездочка», – думал Джекель, расстегивая униформу.

Примерно такого же мнения был и Роттель, ну а Хайнс и Скрап, имевшие более широкие взгляды на жизнь, мысленно противились не более пяти секунд, а потом их даже заинтриговала перспектива оголиться перед незнакомыми дамами. Они и так делали это довольно часто в прочих экстравагантных экспедициях, но во всех тех случаях они сбрасывали ботинки и штаны в ночных клубах, спальнях или отелях, а не посреди сельскохозяйственных угодий. Только вот разница условий всегда условна. И в связи с этим они приняли этот новый опыт.

«Вот и хорошо», – отметил про себя трансгалактический советник, наблюдая за тем как его приказ исполняется, – «Именно то, что нужно».

Понятное дело, советник рисковал. Но этот плохо продуманный риск никоим образом не был связан с опасностью быть осмеянным своими собственными подчиненными. Такая уж у него была профессия – рождать недовольство среди приземленных умов. И он уже давным-давно привык к данному неприятному обстоятельству. Другое дело, что даже такая безумная выходка могла не помочь наладить контакт с туземками. Однако стоило попробовать, ведь все равно нечего было терять, кроме чуточки стеснительности.

– Что?.. Что вы делаете?..

– Все в порядке.... Не нужно бояться...

Вконец перепуганные девушки и раньше не понимали происходящего, а тут еще странные существа с небес стали стягивать с себя зеленую униформу. Как от такого не рассвирепеешь? Каждой из них хотелось схватить нечто тяжелое и потрясти им в знак предупреждения, но рядом не валялось ничего такого. Попытка бегства на сеновал или куда-то в другое место рассматривалась как полная безнадега, в ходе которой пришлось бы повернуться к неизвестным существам спиной. Что тогда они могли бы сделать с бедными незащищенными девушками? Об этом даже не хотелось думать. И потому приходилось стоять напротив странного летающего сарая и что-то задумавших пришельцев и ждать очередного подвоха. При этом одна девушка, как и прежде, пряталась за спиной другой, а той другой уже некуда было деваться и прятаться от неопознанной угрозы, вот она и кричала, и вопила, и сыпала всяческие ругательства:

– Не надо с нами играть! Вы точно пожалеете!

Однако, когда вся одежда оказалась сброшенной, все крики прекратились. И тогда советнику осталось лишь развести руками и сказать:

– Видите... Мы такие же, как и вы. Ничем не отличаемся.

Несомненно, бушующие страх и паника в глазах девушек заметно поубавились, когда их ранее рассерженные взгляды наткнулись на непривычное зрелище голых мужчин, однако пока что ни о каком вычурном доверии речь не шла и не могла заводиться, потому как только лишь формировались предпосылки для некоторых перспектив. И в связи с этим, когда Скрот узрел плоды собственных стараний, он не стал торжествующе прыгать как припадошный и форсировать события. Вместо этого он просто стал ждать.

«Главное – не торопиться», – эта назидательная мысль всегда крутилась в его голове на первых ролях, а теперь она стала еще более актуальной.

Тем временем гораздо менее испуганные девушки о чем-то спешно перешептывались. Скрот попытался уловить содержание этих переговоров по движениям лицевых мышц и ресниц, однако его знаний местных диалектов было недостаточно, чтобы быть успешным в этом предприятии. Впрочем, он все же уловил некоторые элементы, из которых стало ясно, что теперь туземок одолевают сомнения.

«Черт...», – подумал Скрот.

Именно так советник воспринял недостаточную эффективность своих стараний. Конечно, можно было подождать час или более, когда девушки наконец-то созреют для доверия, но где-то на планете Искандарион требовалась незамедлительная помощь. Скрот прекрасно понимал, что двум сексапильным девушкам она вряд ли нужна, но им могли быть известны некоторые нюансы местной жизни. В частности, что за атмосферные помехи мешают им локализовать источник сигнала. Только вот как выудить эту информацию из негативно (уже не агрессивно) настроенных дамочек, если они все еще сомневаются?

– Не сомневайтесь.

Советник не любил закулисные игры. Ну а сейчас у него к тому же не было на это лишнего времени. Вот он и решил немного подтолкнуть к нужному решению тех, кто сомневался.

– Не сомневайтесь, – повторил советник.

Последовал короткий взмах ресниц, затем девушки еще немного пошептались, а закончилось все тем, что прозвучало загадочное слово:

– Но...

– Что «но»?..

Пристальный взгляд Скрота требовал немедленного ответа, и потому Сия никак не смогла отвертеться, отвернуться или увязаться в очередные пересуды с возлюбленной подругой. Ей пришлось ответить. Впрочем, ей и самой не терпелось кое-что узнать.

– Все-таки есть некоторые отличия, – сказала девушка и ткнула пальцем в направлении предмета своих сомнений.

– Это несущественно.

Ответ советника был прост и логичен, являлся прямым совершенством, говорившим, что какое-то маленький и невзрачное анатомическое превосходство не может вывернуть Вселенную наизнанку или заставить звезды воссиять настоящим пламенем. С ним сложно было поспорить, но сложно было парировать этот емко умещенный смысл. Однако как всегда очередная женщина предпочла нелогичность и попыталась спорить, брыкаться и заявлять, что она знает истину гораздо лучше всех остальных.

– А может это все-таки важно?..

– Разве не интересно поразмышлять на эту тему...

– Нет.

Скрота понемногу начинала раздражать эта особа со смазливym личиком и идеальным изгибом бедер. Да и вся эта миссия уже не вызывала былого восторга. Но, слава богу, что у второй туземки хватило ума не вступать в те же самые ненужные пересуды. Вместо этого Тая попыталась уговорить сестру стать более кроткой и благоразумной, а также помочь пришельцам чего бы им там не хотелось и не требовалось.

– Хватит! – сказала она.

Со стороны это могло показаться грубостью, однако люди, умеющие доводить друг друга до оргазма, также знают наилучшие способы вернуть партнера к реальности. Конечно же, не обошлось без взгляда удивленно-озабоченных глаз, но главное, что это подействовало.

– Что?.. Что такое?... – виновато произнесла Сия.

– Хватит уже. И так все понятно.

Обозначив таким образом свою позицию сестре и всем прочим, Тая наконец-то вышла из-за чужой спины и заговорила неожиданно смело:

– Так вы пришельцы из космоса?

«Пришельцы», – подумал советник, – «Какой непреодолимо сонмический термин».

Впрочем, он давно перестал злиться на примитивность мышления неразвитых рас отдаленных цивилизаций и зачастую говорил себе, что как знать, может в других условиях среды эти недалекие существа без особых усилий смогли бы превозмочь интеллектуальный уровень не только высочайших идеологов нерушимости Устава и Терра Прайм, но и всего Трансгалактического Синцития в целом.

– Или же вы призраки, живущие в Титаскаре?

Несомненно, второй вопрос, произнесенный девушкой, привлек к себе гораздо больше внимания Скрота, чем первый.

– Призраки? – спросил он.

– А разве нет? – поинтересовалась Тая, – В это мне гораздо легче верить, чем в то, что некто настолько сумасброден, что способен долететь до звезд.

– Почему же?

Мнение девушки о космических путешествиях изрядно покорило советника. И ее крайняя необразованность не имела к этому никакого отношения. Просто с этой ее позиции все его детские мечты о далеких мирах и новых открытиях воспринимались как нечто ненужное и неуместное, так что в таком случае лучше было бы и впрямь оказаться неведомым призраком из черт знает откуда. Однако Скروت слишком часто познавал неповторимую красоту Вселенной, чтобы взять и так легко сдаться. И потому он попытался хотя бы чуточку сдвинуть с места окаменелое мнение туземки.

– Неужели вы никогда не мечтали полететь к звездам?

Ответом был едкий смешок и слова:

– Да кому это нужно? Ведь они всего лишь темные безжизненные объекты.

И надо сказать, что наличие этих саркастических познаний у того, кто проживал среди пастбищ и плантаций, явилось неожиданным открытием и приятным сюрпризом для того, кто родился и вырос на планете Стартрум – широко известной кладези трансгалактической науки. Так что Скрот тотчас возымел в себе необходимость спросить:

– И вам об этом известно?

– Естественно, – прежняя боязнь нежданно нагрянувших пришельцев незаметно улетучилась, и теперь пугливая девушка совершенно свободно общалась с тем, от кого совсем недавно пряталась за спиной сестры.

– Удивительно, – прокомментировал Скрот, – Но откуда?

– Читала в одной из книг, что сестра привезла с собой после эпидемии.

– Очень хорошо...

Каждая новая новость, получаемая от местных обитателей, накапливала все больше тревоги в душе трансгалактического советника Скрота. Отправляясь на планету Искандарион с гуманитарной миссией, он ожидал встретиться с какой-нибудь обыденной разрухой, однако вместо этого встретил радующихся жизни девушек-лесбиянок, узнал про какие-то призраки, а тут еще и эпидемия до кучи...

– Эпидемии? – спросил Скрот, чтобы быть уверенным наверняка.

– Точно. Это случилось не так давно, хотя на самом деле иногда кажется, что прошла уже целая вечность.

«Вечность», – мысленно повторил советник.

Время от времени такие повторы помогали ему сосредоточиться и подумать. Однако имевшийся дефицит информации не позволял всерьез развернуться и достичь необходимого результата, так что пришлось найти повод расширить кругозор и ненароком вспомнить про трансгалактический этикет.

– Извините, но мы уже так долго общаемся, узнали многое друг о друге, но так и не были представлены по имени...

– Ах да, простите, – на этот раз в разговор вступила более агрессивная девушка, – Мы слишком долго живем в уединении и напрочь позабыли о манерах.

– Ничего страшного, – сказал советник, изобразив на лице выражение солидарности, хотя на самом деле старательно пытался запудрить мозги доверчивым туземкам.

– Я – Сия.

– А я – Тая.

После поочередного представления девушками самих себя Скрот вытянул очередную премудрствующую гримасу из полной неотразимости лица, а потом спросил то, что и так давным-давно стало очевидным.

– Значит вы сестры?

– Не родные, – вернулась к разговору Тая, – Троюродные. А как вас зовут?

– Скрот. Малкольм Скрот.

– У вас красивое имя, – жеманно произнесла девушка, хотя привлекало ее внимание и ищущий взгляд нечто другое.

Такой интерес мог спутать советнику все его планы. Он попытался искоренить его в зародыше и потому постарался перейти от разговора о себе к разговору о многих.

– Со мной прибыли мои коллеги: Джекель, Хайнс, Роттель и Скрап. Они перед вами. И есть еще четверо членов экипажа внутри шаттла. За технику отвечает Кропечь и Шаршун, в качестве пилота у нас Таранталь, а координистом выступает Наскак. Согласно протоколам нерушимости Устава, ненаучная часть экспедиции обязана сохранять внутренний карантин до полного выяснения внешних обстоятельств.

– Вы говорите о летающем сарае? – спросила Сия и ткнула пальцем в шаттл.

– Можно и так сказать, – ответил Скрот.

На причудливую метафору он не обиделся, тем более, что имелась проблемы более глобального масштаба. В первую очередь ему хотелось наконец-то прикрыть свою и чужую наготу, а то она стала восприниматься им слишком утомительной. И для этого советнику понадобилось провозгласить всеобщую дружбу и любовь.

– Теперь, когда наше приятное знакомство свершилось, – сказал он, – Предлагаю нашим прелестным и очаровательным хозяйкам (от этих слов девушки разулыбались на всю катушку) показать нам местные достопримечательности.

– Отличная идея! – воскликнули обе девушки одновременно.

– Но сначала предлагаю одеться.

Предложение, прозвучавшее на небольшой лужайке коротко подстриженной травы темно-салатового цвета, что располагалась между большим крытым сеновалом и кучей трухлявого бурьяна, было воспринято по-разному. Кто-то облегченно вздохнул, в частности Джебель, бывший недовольным идеей обнажения изначально, кто-то просто молча принял исполнять пожелание старшего по званию, а кто-то по прирожденной наивности не понял, зачем это нужно, но при этом не нашел никаких аргументов против и попытался угодить тому, кто сумел довольно быстро переместиться из категории опасных, странных и непонятных существ в нечто интересное и интригующее. Так что как оказалось все пронырливые уловки опытного трансгалактического советника не прошли даром, и он смог в конце концов достичь необходимого для экспедиции результата. А когда походная униформа зеленого цвета снова оказалась на нем, он неторопливо достал из нагрудного кармана миниатюрное устройство связи, поднес его ко рту и произнес слова, которых уже устал дожидаться координатор миссии Наскак, сидевший запертым в шаттле и гадавший, что же произойдет с теми, кто рискнул выйти наружи и попытался помочь неведомым обитателям захолустной планеты Искандарион.

– Все в порядке, – объявил Скروت через «минитон».

– Вас понял, советник, – ответил ему Наскак.

Тем временем с сеновала быстро вернулись девушки-туземки, куда они ходили, чтобы отыскать свою одежду. Пользы от того, что они на себя спешно накинули, было мало, так как их пресловутые одеяния на деле представляли собой коротенькие полупрозрачные туники розового цвета и такие же розовые босоножки. Местами все это было перепачкано следами грязи и соком корнеплодов, но это только доказывало, что они способны на нечто большее, чем просто хихикать.

– А что это у вас такое говорящее? – спросила Тая как наиболее пугливая.

Скроту пришлось напомнить себе о технологической отсталости местных жителей и о том, что все неизвестное способно породить все новые приступы невежественного страха. А это в свою очередь потребовало от него новых усилий в дипломатии, психоманипуляции и обыденной просветительской работе с населением.

– Это не является чем-то страшным, – сказал он ровным голосом и протянул мобильное устройство связи заинтересованной в ответе девушке.

– Но что это? – продолжала спрашивать Тая, боясь подойти ближе и прикоснуться к неопознанному и неизведанному.

– Маленькое чудо трансгалактических технологий. Называется «минитон».

– И что оно делает?

– Разное. Например, это...

За словами советника незамедлительно последовала демонстрация, основанная на некоторых манипуляциях с прибором. Так называемый «минитон» имел в своем арсенале крохотный дисплей с прыгающей синусоидой, три кнопки – серую, желтую и черную, а сбоку торчал небольшой джойстик в виде запятой. Для человека непосвященного такой набор манипуляторов в маленькой вещице был хуже, чем дремучий лес, хотя на самом деле все было элементарно и просто.

– Одно касание и... – озвучил совершаемое Скрот и осуществил нажатие черной кнопки.

Секунду ничего не происходило, а потом раздался странный шлепающий звук «парлам-парлам» и из одной-единственной точки пространства, ничем не примечательной, но находившейся у всех на виду, явилось нечто плоское, аморфное и окрашенное в ярко-бирюзовый цвет. Понятное дело, что девушкам очень понравился такой необычный фокус.

– Вау! – воскликнула Сия.

Только вот, к сожалению, Скрот не был силен в лексико-грамматических познаниях местных диалектов, и потому не смог понять, что бы могло значить прозвучавшее слово, однако интуитивно предположил, что именно так на планете Искандарион выражают высшую степень восторга.

– Рад, что вам нравится, – сказал советник, после чего потянул ручку джойстика наверх, и бирюзовое нечто мигом охватила пенистая рябь.

Девушки наблюдали за происходящим с упоением. Ну а Джекель, Хайнс, Роттель и Скрап выглядели понуро, да вдобавок еще и переминались с ноги на ногу от непреодолимой скуки. И было несложно догадаться, что они искренне надеются и верят, что когда-нибудь трансгалактические ученые сделают один шаг вперед, и тогда более не будет возникать вынужденная необходимость терять время на формирование голографической проекции.

– Что это? – спросила Тая, как только пенистая рябь сделала свое дело, и в результате в воздухе зависло трехмерное изображение человека, державшего в руках треугольный блокнот в переплете из бурой кожи и шариковую ручку.

– Это наш друг, – ответил ей Скрот, – Я вам уже о нем говорил. Его зовут Наскак, он координатор нашей миссии.

– А почему он пожелтел?

Замечание Таи относилось к некоторым сложно преодолимым недоработкам технологии мобильных голопроекторов, которые проявлялись в виде некачественной цветопередачи характеристик оригинального объекта, из-за чего в конечном изображении преобладала желтая часть спектра. Советник понятия не имел, как все это объяснить жительнице планеты Искандарион, но все произошло само, словно по наитию.

– Дурочка, он же не настоящий, – посмеялась над сестрой Сия.

И Скроту в этом случае оставалось лишь добавить:

– Верно.

Однако женское любопытство не было удовлетворено в достаточной мере, и Тая продолжила требовать ответы по существу.

– Как это так? – спрашивала она.

К счастью Наскак додумался прийти на помощь всем тем, кто отчаянно ковырялся в извилинах в поисках нужных слов или же, как и прежде, неустанно переминался с ноги на ногу. Впрочем, такая инициатива была вызвана отнюдь не жаждой новаторства или же эгоистичным стремлением просветить кого-либо на недоступные отдаленным мирам темы. Причина была действительно веской, и заключалась она в том, что техники Кропечь и Шаршун наконец-то оправдали свое название и смогли максимально локализовать источник сигнала бедствия. Так что теперь нужно было срочно забирать советника и всех остальных и лететь туда, где их присутствие логически обосновано.

– Тая... дорогая..., – обратился Наскак к девушке, надеясь привлечь ее внимание к себе и тем самым достичь максимального зрительного контакта.

Естественно, девушка среагировала на голос, но в результате еще больше запуталась.

– Вы же сказали, что он не настоящий? – потребовала она объяснений от Скрота, – Как же он тогда говорит?

Вопрос был убийственным для интеллекта советника, так что ему в который раз пришлось признать, что он не очень-то готов к общению с обычными и менее развитыми людьми.

Но, слава богу, что под рукой у него всегда имелись те, кто знал нужные слова. На этот раз им оказался Наскак, и он неплохо справился на этом приземленном поприще.

– Видите ли, дорогая, – сказал Наскак и его голографические глаза снова пересеклись с взглядом Таи, – Как вам уже говорил Малкольм, я координатор миссии и вместе с остальной ненаучной частью команды вынужден находиться не в вашей прекрасной компании, а внутри шаттла и подчиняться распорядку внутреннего карантина. Однако время от времени у советника возникает потребность в моем непосредственном взгляде на некоторые обстоятельства и вещи. И именно для решения этой проблемы был сконструирован «минитон», создающий управляемую голопроекцию, то есть ненастоящее трехмерное изображение, которым управляет на расстоянии настоящий человек.

– Кажется, я поняла, – сказала Тая после всех объяснений.

– Рад был помочь, – ответил Наскак.

А потом ему понадобилось обратиться к советнику и сообщить ему радостную новость:

– Нам удалось локализовать сигнал.

Только вот радость в глазах советника почему-то не появилась. Наоборот он впал в еще большую задумчивость, чем от вопросов девушки-туземки, а спустя минуту или чуть меньшее время внезапно заявил:

– Летите без нас. Мы остаемся.

Естественно те, кто находился в этот момент в шаттле, никак не ожидали такого поворота событий. Так что сразу сообразить, что сказать по этому поводу им как-то не сподобилось. Да и вообще стоит признать, что решение советника своим вычурным содержанием сумело парализовать не только голосовые связки членов экспедиции, но и некоторые ухищрения трансгалактических технологий. И проявилось это в том, что голографический проектор стал едва слышно шипеть, а сама голограмма принялась подергиваться и искривляться. Впрочем, никто не обратил внимания на эти технические неполадки. И даже девушки-туземки, имевшие обывательскую склонность восхищаться тем, что блестело и не пугало, оставили это происшествие без криков «вау», хотя на самом деле они просто придержали восторг для другого повода, который показался им гораздо более значимым и перспективным.

– Так вы остаетесь?! – счастливый женский возглас раздался тогда, когда этого никто не ожидал и потому некоторые от неожиданности даже вздрогнули.

Конечно же, Скروت был рад тому, что негатив в итоге переключался в позитив, однако это закадычное обстоятельство его несколько не заботило. Где-то рядом происходило нечто гораздо более важное, и он остро ощущал это всей поверхностью своей кожи. Несомненно, ему было хорошо известно, что Наскак и все прочие туземцы любили повсеместно думать и рассуждать об внеочередных заскоках невнятного советника. Но даже это не имело значения здесь и сейчас. Чутье Скрота никогда раньше не давало осечек, так что не было повода сомневаться в тех колющих, словно длинные острые иглы ощущений, говоривших, что крайне необходимо остаться в этом захолустном селенье и разузнать поподробнее о призраках и эпидемиях, а также некоторые другие неустановленные факты.

– И что потом?

– В смысле?

Внезапно созревший вопрос Наскака пришелся на самый пик сосредоточенных измышлений, так что советник не смог уловить негласный подтекст, и потому понадобились дополнительные слова и фразы:

– Что делать, когда мы обнаружим источник сигнала? Прилететь за вами?

– Зачем??!

Можно было ожидать любой реакции от советника, но только не странного подергивания левой половины лица, которое, судя по всему, означало крайнее неприятие подобных вариантов развития последующих событий.

– Зачем????! – повторил он с еще большим негодованием, словно у него и впрямь спросили последнюю чушь, а затем без лишних колебаний выдал нужный алгоритм действий, – Не нужно шататься туда-сюда. Сами разберитесь на месте и только тогда возвращайтесь с подробным отчетом.

– А как же карантин? – поинтересовался Наскак.

– Никак, – ответил ему Скрот, – Я его снимаю на время вашего летного задания.

– Но так нельзя...

Именно с этой фразой вечно недовольный Джекель без разрешения вторгся в разговор советника с желтолицей голограммой, и это было отнюдь не лучшее из его решений. Советник молниеносно сверкнул взглядом в сторону непрошенного собеседника, и все сразу стало ясно – здесь и сейчас никакие сомнения в его поступках непозволительны.

– Это приказ, – добавил Скрот, сердито выдержав паузу.

Наскак тоже выдержал паузу. Только вот в его случае она понадобилась, чтобы своевременно проглотить замшелое недовольство. А позже, сделав запись в своем треугольном блокноте, координатор миссии резюмировал:

– Вас понял.

И едва это произошло, Скрот мысленно вздохнул с облегчением. Теперь можно было не беспокоиться о внезапном и незапланированном бунте среди подчиненных, а также можно было сосредоточиться на деталях предстоящих изысканий.

– Послушайте, Наскак, – в этом обращении к голограмме советник постарался вернуться от жесткости к тактичности, – Мы остаемся здесь не просто так. И потому нам понадобятся дополнительные методы исследования. Кажется, на борту имелся «Пи-Зет»?

Координатор миссии в свою очередь постарался избавиться от неуместных обид и также сосредоточился на задании. Ему понадобилось чуть-чуть покопаться в бортовой базе данных, кое-что спросить у оставшихся за кадром техников, после чего ответ был готов, и прозвучал он так:

– Так точно.

– Не мог бы ты послать его нам? – еще более корректно поинтересовался Скрот.

– Будет сделано, – пообещала голограмма.

Прошло два-три мгновения, а затем двери шаттла начали отворяться. Понятное дело, что на этот раз пугливые девицы восприняли это необычное событие иначе. И если в прошлый раз ими руководил страх перед неизвестным, то теперь все подчинялось неуклонно растущему любопытству. Да и вообще в свете этой новой точки зрения все темные и мрачные тона напрочь исчезли, уступив место более желанной пестроте красок и неутолимой жизнерадостности.

– Фух-фух-фух, – слышалось сквозь шумно открывающиеся двери шаттла, а затем из ореола малинового дыма выкатилось нечто, имевшее небольшие размеры, но обладавшее всей необходимой и желанной пестротой окраски в виде многоцветных ромбиков и квадратов, а также более материальными гусеницами и щупальцами.

Так что неудивительно, что едва «нечто» выкатилось на лужайку, как девушки-туземки незамедлительно подбежали к нему и стали тыкать в него пальцами со словами:

– Вот так штуковина. Очень мило.

Их восторгу не было предела. И только в самую последнюю очередь они спросили:

– А что это?

– Простенькая модель роботизированного планетарного исследователя. Не больше и не меньше, – ответил им трансгалактический советник.

При этом он был горд за себя и за весь научный оплот трансгалактического Синцития, именуемый как Вселенский Изольдиум. А все потому что, будучи всего лишь пяти лет отроду Скрот уже сумел о себе заявить, разработав первую модель нелепого, но практичного робота «Пи-Зет». Тогда это был фурор бесконечных масштабов. Только вот слишком много времени

утекло с тех пор, слишком многое изменилось, и теперь все прочие, что окружали советника, оказались неспособными понять, разделить и оценить то самосозерцательное чувство, что всегда существовало в сердце советника. Жизнь распорядилась так, что ему пришлось бродить по миру в полном одиночестве и навсегда позабыть своих мечтах. Это было грустно. Но Скроту не хотелось грустить, так что понадобилось отмахнуться от назойливой грусти и случайно всплывших воспоминаний. Да и вообще с некоторых пор под рукой имелись смешливые туземки, позволявшие без лишних сложностей обзавестись толикой чудного позитива.

– И что он делает? – спросили они, играясь с пестрым чудом техники.

– Исследует.

Ответ советника вполне соответствовал вопросу, однако почему-то вызвал волновой приступ нового необузданного веселья среди девушек, который сопровождался притягательным блеском в глазах и алчущими плоти фразами.

– Кого? Нас? – говорили они, захлебываясь все новыми и новыми смешками.

И чувствуя этот незримый подвох, Скрот совсем чуть-чуть растерялся в желании понять, что же делать дальше. Но к его величайшей радости очередное трудное решение было принято за него. Конечно вряд ли «Пи-Зет» пытался ему помочь. Вероятнее всего ему просто надоели суетливые ухаживания взбалмошных туземок, что трогали его и тискали за щупальца. Но он сделал именно то, что требовалось, когда вновь механически проворчал:

– Фур-фур-фур..., – и быстро укатился куда-то за сеновал.

– Куда это он? – разочарованно спросила Тая.

– Исследовать, – как и прежде ответил Скрот.

На этот раз ответ советника имел совсем иной эффект. Звонкий смех замолк и его место быстро занял холодный и расчетливый прагматизм, уверявший напряженными взглядами женских лиц, что кое-кто еще не наигрался и что им очень хочется продолжать веселье со странными пришельцами, свалившимися на них с небес.

– А как же мы? – спросила Сия в почти обиженном стиле.

Однако Скрот не позволил вспыхнуть новой совокупности истерик.

– Я же сказал, что пока что останусь здесь с вами, – решительно произнес он, – И нам уже пора бы сдвинуться с места.

И действительно, как оказалось за время вычурного и полного эмоций знакомства черное солнце со своим фиолетовым ореолом успело достичь зенита, по бокам от лужайки зацвели звездчатые цветы синими и красными бутонами, а высоко над головой неприкаянно мельтешили огромные двукрылые насекомые с крестовидным узором на брюхе.

– Так нам лететь? – спросил Наскак, все еще ожидая порождения очередной необходимости внести новые заметки в треугольный блокнот.

– Летите, – ответил Скрот.

– Летим.

Это были уже прощальные слова. Советник чувствовал, что именно сейчас происходит нечто великое и ужасное. И в этот странный момент времени ему больше всего на свете хотелось остановить Наскака, остановить себя, но он не мог. Ведь согласно нерушимости Устава, каждый трансгалактический советник был обязан во что бы то ни стало выполнять возложенные на него обязательства. Делать же что-то вопреки высшему мнению было категорически запрещено и расценивалось как непозволительная глупость или как нахальство, способное угрожать спокойствию и благополучию Вселенной в целом.

– Летите, – тихо прошептал советник Скрот странным образом закодированную мантру, тем самым подводя черту под противоречивой борьбой с самим собой.

Впрочем, в данный момент советник имел полное право кричать во весь голос, так как его бы все равно никто не услышал в виду того как громко ревели двигатели шаттла в попытке оторвать «летающий сарай» от поверхности планеты Искандарион.

– Летите, – в который раз для пущей верности повторил Скрот.

И словно повинувшись этому гнетущему зову, маленький и хрупкий шаттл со звучным урчанием взмыл к небесам, то есть прямо туда, где черное солнце настойчиво маячило как самое противное бельмо в глазу мироздания. Советник, четверо ученых и две девушки-туземки пристально следили за тем, как он неторопливо движется по небосклону и постепенно исчезает за верхушками малиновых сосен. А когда наблюдать стало не за чем возник очевидный вопрос:

«И что дальше?»

«Будем разбираться», – мысленно ответил Скрот самому себе.

Потом он оглядел всех, кто остался с ним и не улетел, двух крайне сексуальных сестер и чарующую природу, что раскинулась вокруг, вздохнул, только на этот раз с ощутимой тяжестью на сердце, и предложил в качестве разнообразия следующее:

– Так может девушки покажут нам что здесь и как?..

Сестры переглянулись, с искрящейся игривостью поочередно кивнули друг другу и гостям, а затем двинулись вперед по узкой тропинке, что огибала крытый сеновал. Так они показали пятерым мужчинам не только свою спину, но и кое-что другое. Безусловно, не так давно космические путешественники видели тех же самых девушек полностью обнаженными, однако тогда все были слишком смущены, чтобы думать о межрасовых половых контактах. Теперь же, когда сквозь их полупрозрачные одежды отчетливо просматривались упругие ягодички, всем им стало внезапно казаться, что эти четыре округлых образования только и ждут, чтобы их раздвинули и вошли во все имеющиеся между ними отверстия на всю возможную глубину. Мысль о том, как сестры при этом будут стонать и извиваться под напором мужского тела, вызвала мелкую дрожь в коленях, но, тем не менее, все члены экспедиции смогли проследовать по тропинке, ведущей за сеновал, а там их всех ждало уже новое зрелище, способное затмить любые ягодички.

– Вау! – воскликнул Скрот, употребив местное не совсем понятное выражение.

– Так точно, – словесно срезонировали девушки-туземки, – Вау!

Скорее всего, они были готовы к тому, что пришельцев несказанно удивит неопишуемая красота пейзажа, раскинувшегося вдоль и поперек долины, которая ранее укрывалась от их взгляда невзрачной глыбой архитектуры, именуемой крытым сеновалом. Как оказалось, шаттл приземлился на некой плоской возвышенности, приспособленной под нескончаемое возделывание корнеплодов и прочих сельскохозяйственных культур. И сразу за сеновалом эта возвышенность переходила в пологий скат, ведущий напрямик к долине. Для удобства перемещения местные жители снабдили его удобными лесенками из булыжников. Однако если для людей эти творения и были удобными, то робота на гусеницах они ставили в тупик.

– Фур-фур-фур! – визгливо ворчал «Пи-Зет» из-за того, что ему пришлось остановиться на пороге верхней ступеньки.

– Что с ним? – спросила Тая, когда всем остальным удалось догнать робота.

– Ничего страшного, – ответил Скрот, а потом нажал серую кнопку на «минитоне».

В результате «Пи-Зет» перестал ворчать, а вместо этого заговорил по-человечески.

– Задание принято, – сказал он и с помощью активированного генератора антигравитации запрыгал вниз.

«Проблема решена», – подумал советник, убирая «минитон» в карман.

Однако на самом деле проблемы как обычно только начинались. И Скрот это очень быстро осознал, когда после нескольких мгновений любования местной природой увидел то, что не имело к ней никакого отношения. И это заставило его кардинально перемениться в лице, но этого никто не заметил и не принял во внимание, ведь все они слишком плохо его знали и совсем не понимали.

– Ну как? – поинтересовалась Тая, предполагая, что заострившаяся мимика лица Малкольма Скрота обусловлена удивлением, – Вам нравится?

– Безумно, – ответил советник.

Несомненно, эта фраза, взятая им на вооружение в качестве ответа, имела вполне определенный двояковогнутый смысл. Первая грань этого двойного подтекста было целиком понятна всем тем, кто когда-либо стоял на краю пологого спуска и смотрел с него вдаль. И заключалась она в том, что Скрот однозначно был сильно поражен тем, что бросилось ему в глаза в самую первую очередь, особенно учитывая тот факт, что он слишком привык к гигантским урбанизированным комплексам планеты Чкаро-Пак – научной столице Трансгалактического Синцития. Советник с трудом мог оторвать взгляд от голубой глади реки, которая рассекала своим вялотекущим потоком долину и делила ее тем самым на две неравные части. Часть поменьше находилась по одну сторону с членами экспедиции и на ней целиком располагалась огромная ферма. Она была представлена загонами для скота, в которых бегали, прыгали и скакали крупные животные с ветвистыми рогами и бурой пятнистостью, пастбищами с темно-салатовой растительностью, а также полями и огородами, усеянными множеством неизвестных и причудливых сельскохозяйственных культур, которым не нашлось места на возвышенности из-за их особой потребности в избыточной влаге. Ну а в центре фермы был размещен двухэтажный особняк, сооруженный из лучших пород черного и красного дерева.

– Вот это и есть наша ферма, – горделиво заметила Сия.

– Прекрасно, – вежливо ответил ей Скрот.

Ну а после этого проявления жеманства его взгляд скользнул дальше, то есть на другой берег. Там недалеко друг от друга ютились небольшие домики, окруженные небольшими огородами и небольшими подсобными сооружениями. Там жили люди и судя по количеству домиков местное население насчитывало как минимум две сотни персон. Это было бы просто замечательной новостью, если бы не черные мраморные тетраэдры, что советник увидел немного позднее всех восхитительных прелестей местной природы. И все стало намного хуже, когда после первого визуального контакта с одной-единственной неприятной находкой внезапно выяснилось, что эти чудовищные творения чудовищного разума россыпью разбросаны по всей долине, Скрот долго попеременно смотрел то на чертовы камни, то на шестерых птиц витавших неподалеку. Птицы были определенно интереснее. У них был ярко-красный хохолок и лиловое оперенье. А что было у чертовых камней? Ничего хорошего или полезного.

– Так вы хотите зайти к нам в гости? – настойчиво поинтересовалась Тая.

Очевидно, девушкам надоело просто стоять на краю пологого ската и попусту пялиться на чудеса природы, которые для них давно стали привычкой, обыденностью... И им очень хотелось наконец-то ощутить развитие знакомства с пришельцами, узнать их, получить новые ощущения. А потому они настойчиво требовали движения вперед.

– Пойдемте же, пойдемте же..., – потребовала Сия и, схватив Скрота за руку, потащила его за собой вниз по ступенькам.

Советник не смог сопротивляться такой активной реализации желаний, да к тому же не видел особого смысла в противостоянии местному экстравагантному гостеприимству, даже если оно создавало помехи на пути решения более насущных проблем. По его убежденному мнению, в данной цепочке событий любой ненужный конфликт мог испортить все и привести к непоправимым последствиям. И дело тут уже давно и вовсе не касалось какого-то загадочного сигнала о помощи. Этот вопрос Скрот решил, отправив шаттл восвояси. С того момента она проблема перестала для него существовать. А вот чертовы камни – это было куда важнее и куда серьезнее. Конечно, он не ожидал увидеть их снова спустя долгие два десятка лет. Тем не менее, мысли о них никогда не покидали его головной мозг. Да и как иначе, ведь именно из-за них Скрот потерял отличную работу и перспективное будущее, из-за них его изгнали из Вселенского Изольдиума. Такое не забывается. Никогда и ни за что.

– Вам нравится? – в очередной раз спрашивала советника Сия и тянула за собой по ухабистой негрунтованной дороге, что извивалась зигзагами промеж полей с колосющимися

злаками и загонами, из которых любопытно выглядывали огромные черные глаза и огромные влажные и тяжело дышащие ноздри.

– Просто удивительно, – отвечал Скрот, настойчиво притворяясь, что все в полном порядке.

На самом же деле его мозг неугомонно продолжал крутить жернова воспоминаний, промеж которых настойчиво фигурировал один и тот же персонаж – Адриус Фаг. Когда-то этот человек был его наставником и учителем, человеком, которого Малкольм Скрот уважал безгранично, а доверял безоговорочно. Только вот однажды все встало с ног на голову и тогда ему, Скроту, пришлось сделать тяжелый и опасный выбор.

– Пи-пип! – внезапно прозвучало в нагрудном кармане советника и это заставило Сию остановиться и отпустить его руку.

– Что такое? – спросила девушка с взглядом полным запредельного негодования, будто сама Вселенная неуместно вмешалась в ее крайне логичные и хорошо просчитанные планы.

– Это мой «минитон», – ответил Скрот и полез в карман за прибором.

На самом деле он ждал этого момента звучания и дребезжания не только с особым неистовством нетерпения, но с прозорливой созерцательностью, словно приходилось ждать некоего божьего промысла, способного развязать ему руки и дать доступ к некоторым хитроумным трюкам. Так что едва запищал «минитон», ответственному за миссию Скроту тотчас стало ясно, что «Пи-Зет» наконец-то нашел один из черных мраморных тетраэдров и вцепился в него своими сверхпрочными щупальцами. А потому дальнейшая судьба самого советника стала крайне малозначима, ведь теперь и без его участия робот мог выполнить поставленную перед ним задачу и передать опасную информацию о том, что на самом деле происходит на захолустной планете Искандарион в нужные руки. Правда Малкольму Скроту нужно было позаботиться еще кое о ком, ведь вынужденные спутники советника Джебель, Хайнс, Роттель и Скрам никоим образом не были посвящены в его личные измышления. Кроме того, они не очень-то и старались как-либо вникнуть в происходящее. Вся эта миссия с самого начала казалась им очередной беспринципной забавой высшего руководства. Однако не они отдавали приказы, но в их прерогативу входило исполнение этих приказов. Вот потому-то от их спящего внимания и ускользнуло все то многое, что смог увидеть их предводитель. Они же в свою очередь узрели лишь то, как одна из сестер-туземок тащит за собой податливого советника и молча посудачили о том, что скорее всего ему перепадет лишить ее девственности, а может и нечто большее. Спешить догнать эту парочку было не в их интересах, тем более что с ними осталась вторая сестра, а за рекой совершенно определенно обитала целая куча других девчонок.

– У вас тут хорошо, – Джебель долгое время шел по бок о бок с Таей и в конце концов решился завести с ней разговор, но выбрал при этом не самый профессиональный способ.

Впрочем, нельзя было сказать, что он потерпел фиаско.

– Рада, что вам нравится, – произнесла Тая вскользь и мимоходом, но при этом ненадолго повернулась в сторону того, кто напрашивался в собеседники и лукаво улыбнулась.

Джебель расценил это как грандиозную победу, однако предпринять что-либо более путное не успел, так как к тому времени группа отстающих успела догнать тех, кто убежал вперед и теперь заинтересованно пыталась понять, что же заставило тех остановиться. А так как впереди всех горделиво вышагивал Хайнс, то именно ему довелось потребовать ответа у того, кто сосредоточенно копался в «минитоне».

– Все в порядке? – обеспокоенно спросил он у советника

– Да-да, – сумбурно промямлил Скрот, – Обычная творческая рутина... Показатели радиации, гибридизации, экзальтации... Как обычно... Ведь надо все тщательно проверить, изучить, задокументировать и отослать капитану.

Хайнс внимательно выслушал всю эту череду бессвязных слов, переглянулся с Роттелем, Скрамом и Джебелем и понял, что не только он подвержен смятению из-за поведения совет-

ника. К счастью Скрот неплохо контролировал ситуацию и потому не позволил всем им натворить непоправимых глупостей.

– Пи-пип! – прозвучало в четырех нагрудных карманах.

И прежде, чем возникли новые вопросы, советник сказал:

– Вот я и вам переслал эти великолепные данные для ознакомления.

На самом же деле каждый из его спутников получил одно и то же угрожающее сообщение: «Вам нужно уходить. Здесь опасно. Найдите шаттл и убирайтесь прочь. Меня не ждите. Просто убирайтесь, пока не поздно».

Прочитав его, Хайнс, Джекель, Роттель и Скрап поступили умно и, ни на грамм не переменявшись в лице, заявили:

– Отличные новости, советник. Но вы не забыли, что нам еще нужно взять образцы грунта и собрать гербарий из местных растений?

Услышав такое, Малкольм Скрот несказанно возрадовался тому, что у его спутников нашлась необходимая сообразительность, и что теперь у них появился шанс на выживание. Оставалось только молиться о том, чтобы девушки-туземки оказались достаточно глупы, чтобы не понять того, что на самом деле происходит.

– Может, сделаем это позже? – предложил советник своей команде, хотя на самом деле ждал противоположного ответа.

– Очень хотелось бы, но нельзя, – парировал Джекель, а потом, виртуозно симитировав в голосе безвыходность положения, добавил, – Но лучше уж сейчас, ведь после мы сможем посвятить все свое время этим двум прекрасным девушкам.

При этом в конце предложения он не забыл сладострастно подмигнуть Тае. И это сработало. Девушки вновь растаяли от комплементов, и никто ничего не заподозрил.

– Мы понимаем, – сказала Сия после недолгих раздумий над внешними обстоятельствами.

Ничего более сказать по сиюминутной проблеме она не смогла, так что поступила так, как ей хотелось, то есть снова взяла в плен руку советника и снова потащила его за собой. Только вот на этот раз девушка не собиралась тратить время на прогулки по фееричным окрестностям. Сия определенно знала, чего хочет и потому не стала выдумывать никому ненужные окольности и потащила своего гостя напрямиком в двухэтажный особняк.

– Не задерживайтесь, – попросила Тая, отправляясь вслед за сестрой и советником, – Мы будем ждать вас в доме.

«Надеюсь, что нет», – подумал Джекель, провожая взглядом удаляющуюся троицу.

Конечно, он так и не понял в чем собственно дело, но предпочел не искушать судьбу и довериться гораздо более смышлёному и продвинутому представителю человечества, чем он сам. И как выяснилось в ходе короткого обмена короткими сообщениями все прочие члены научной группы придерживались того же самого мнения, так что, недолго думая, все они разом попрятали свои «минитоны» по карманам и двинулись в пока еще неопределенном направлении напрямиком через поле с высокими стеблистыми злаками. Путь был сложным, так как под ногами постоянно хлюпала грязь, кусачие насекомые постоянно впивались в шею, а заостренная листва возделываемых туземцами растений постоянно пыталась располосовать лицо и руки. Но примерно через час все они смогли достичь леса, где было менее влажно и поспокойнее, где появилась возможность начать планировать собственную эвакуацию с захудалой планеты. По мнению большинства, предпочтительнее было пытаться отыскать шаттл, но связи с ним почему-то не было, а это означало, что все связанные с ним перспективы пока что оставались заоблачными и туманными. Однако сидеть на ровном месте тоже никто не собирался. Никто не знал, сколько времени у них в запасе, прежде чем начнутся поиски сбежавших. Несомненно, каждому из них хотелось надеяться на лучшее, только вот даже советник Скрот не

был способен вершить чудеса. Максимум чего он смог добиться – это восемьдесят семь минут непрерывного чаепития и милых улыбочек на удобном диване, ну а потом его все же спросили:

– Что-то ваши друзья задерживаются. Может пойти поискать их?

– Да нет, что вы..., – витиевато отмахнулся Скрот и попросил еще чаю, – Наверное, слишком увлеклись работой. Не стоит за них переживать.

Сестры переглянулись, но в их глазах не промелькнуло никаких намеков на подозрительность или недоверие.

«Возможно, они впрямь слишком глупы», – подумал Скрот.

Впрочем, слишком долго думать ему не пришлось.

– Раз так, – сказала Тая, забирая у него пустую чашку, – Было бы неплохо заняться чем-то более интересным.

И прежде чем советник сумел определиться в отношении предлагаемого, Сия стянула через голову платье и вновь предстала перед ним обнаженной.

– Возьми меня, – сказала она и забралась на него верхом.

– Но..., – Скрот попытался было следовать логике, но собственной эрекции было сложно противостоять.

– Войди в меня, – потребовала Сия.

А в следующее мгновение он ощутил, как его разбухший жезл входит в ее разбухшую и влажную плоть.

– О-о-о! – эйфорически простонал советник и от наслаждения прикрыл глаза.

И тогда он не увидел, как внезапно исказилось лицо девушки, не увидел, как в ее руке появился нож и не увидел, как она перерезает ему горло, но почувствовал, как захлебывается собственной кровью, и только тогда понял, что умирает.

Глава 4: Кто такой Оливье?

– Не нравится мне это, – произнес Таранталь и негодуяще посмотрел на тех, кому удалось оказаться вместе с ним в одном и том же незавидном положении.

Все неприятности начались девятью секундами ранее, когда шаттл внезапно повело и закрутило. Как опытный пилот Таранталь попытался вывернуть рулевое управление, но это нисколько не помогло, и шаттл виртуозно рухнул на одну из площадей полуразрушенного города, который, судя по одной из поржавевших и пооблезших приветственных вывесок, назывался Титаскаром.

– Да все не так уж плохо, – предположил координатор миссии Наскак и стал в очередной раз что-то записывать в свой треугольный блокнот.

– Да неужели?! – гневно возразил ему Таранталь.

И тут не сложно было догадаться, что он злится. Ну а причиной тому было то, что минуту назад именно внутри добропорядочного Наскака разыгралась незапланированная дилемма, которая и привела к фееричному крушению шаттла.

– Ну что теперь вы довольны?! – воскликнул Таранталь, когда ему стало невтерпёж сдерживать гнев внутри собственного «я».

– Доволен чем?

Судя по тону ответа и потому, что координатор миссии так и не оторвал взгляда от блокнота с заметками и не посмотрел на того, кто имел к нему очевидные претензии, он отнюдь не считал себя виноватым и более того не считал, что с ними произошло нечто страшное, глобальное и непоправимое. В его пронизанном логикой понимании падение шаттла рассматривалась как некоторая неувязка, которую в скором времени должны преодолеть те, на кого нерушимость Устава возложила обязанность разбираться с подобными ситуациями. А так как у него были свои цели и задачи, он не собирался заикливаться на том, как справляются со своей работой техники Кропечь и Шаршун. По его мнению, гораздо важнее было зафиксировать в точной и подробной форме все детали проводимой операции и быстренько спланировать дальнейшие успешные действия. Только вот Наскак никак не ожидал, что после пятиминутного копошения в хвосте шаттла техник Шаршун внезапно и категорично заявит:

– Каюк, ребята!!

Понятное дело, такое заявление совсем не удивило опытного пилота, который достаточно хорошо знал и чувствовал доверенную ему машину. И потому у него не нашлось сил на ненужные слова типа «я так и знал». Для него было достаточным отрешенно вздохнуть и бросить в сторону координатора миссии еще один едкий взгляд, чтобы тем самым высказать все, что наболело. Ну а Наскак после такого грозного технического приговора все-таки соизволил очнуться от собственного интеллектуального уединения и наконец-то попытался посмотреть фактам в лицо.

– Как это так? – спросил он у техника.

– А вот так, – ответил ему Шаршун.

В течение тяжелого мгновения мрачных раздумий координатор миссии Наскак пытался морально переварить те обстоятельства, в которых он оказался вместе с прочими членами экспедиции, однако принять собственную повинность в произошедшем он так и не смог.

– Это все вы! – воскликнул Наскак и стал бросать реплики возмущения в адрес ни в чем неповинного пилота, – Где вы учились летать? Нужно было рулить вправо, а не влево.

– А может вам стоило бы заткнуться?! – сдержанно возразил ему Таранталь.

– Да как вы смеете...

– А вот так и смею. Если бы вы не трещали мне постоянно под руку «а может нам связаться с капитаном, а может и не связаться с капитаном; доложить ему, не доложить ему; как быть и что делать...». Я – пилот, а не ваша мамочка.

– Да что вы несете, криворукий болван?!

– Если бы не вы и не ваша назойливая писклявость, то я бы не отвлекся и не позволил шаттлу зацепить кормой аномальное силовое поле, что какой-то такой же идиот, как вы, возвел вокруг этих руин, среди которых мы согласно чужим приказам почему-то обязаны искать заоблачные сигналы.

– Да вы... Да вы...

Несомненно, этот экспрессивный диалог дошел бы до мордобоя, если бы не вмешался техник Кропечь, который без лишних эмоций выбрался из-под немного дымящегося приборного щитка и вежливо попросил:

– Тихо-тихо... Мы же здесь все друзья...

Непонятно почему, но это сработало и два злейших антипода Наскак и Таранталь быстро сменили гнев на милость, разжали сжатые до белизны костяшек кулаки и попытались сообща разобраться в той куче проблем, в которую они рухнули вместе с шаттлом.

– Ну что там со связью? – спросил Наскак того, кто только что копался в поджаренном содержимом приборной панели.

– Отнюдь, – ответил ему Кропечь, что в принципе означало отсутствие надежды на работающий передатчик в ближайшие лет триста.

– Да уж, – категорично подытожил Наскак и вновь обратился к пилоту, но на этот раз без претензий и злой вычурности, – Что думаете?

Таранталь же в свою очередь не нашел у себя в запасе здоровых предложений и потому просто отрицательно покачал головой. Тратить слова на то, что и так было очевидно, едва шаттл оказался во власти силового поля, он не хотел. К тому же когда взвесь адреналина в крови пошла на убыль, стало ясно, что можно обойтись без криков и истерик. Все равно они ничем не могли помочь. Другое дело, что здравомыслящий и опытный техник был способен на многое.

– Ну что там, дружище? – спросил Таранталь, делая несколько шагов в сторону лишенной нормального освещения хвостовой части шаттла, где все еще усердно копошился Шаршун.

Ответа не последовало. И это немного напрягло самомнение пилота, так что он сделал еще шаг в сторону пучка искрящихся проводов и искореженного оборудования и попытался спросить во второй раз, но не успел. Ему помешал сам техник Шаршун, который внезапно вышел из тени и пугающе крикнул:

– Лови!

При этом нечто непонятно полетело в сторону того, кто всего лишь хотел ознакомиться с положением дел внутри реактора трансгалактической левитации. Времени на раздумья над вопросом «ловить или не ловить» в таком случае не было предусмотрено и потому Таранталю пришлось довериться годами отточенным рефлексам и схватиться за внезапно прилетевшее нечто обеими руками, а потом уже разбираться с его природой и принадлежностью. Впрочем, поймав неизвестный предмет, Таранталь не стал его изучать и рассматривать. На тот момент для него было куда важнее спросить у техника:

– Какого черта?

Но Шаршун был слишком весел, чтобы сразу ответить. Точнее он буквально захлебывался собственным безумным смехом, а учитывая тот факт, что все его лицо было перепачкано сажей, да и волосы изрядно опалены, складывалось немного устрашающее впечатление. Понятное дело, что подобное поведение не смогло не привлечь внимание координатора миссии Наскака, который после получения безутешных известий о безвременной кончине транс-

галактического передатчика всеми силами пытался настроить себя на печальный образ того, кто оказался неизвестно где и неизвестно зачем.

– Что у вас там за веселье?! – крикнул он в сдержанном негодовании.

Но так как никто не соизволил ему ответить или прекратить безудержно смеяться, Наскак все-таки решил покинуть изрядно насиженное место в управленческой зоне, расположенной в головной части шаттла, и направился в техническую зону, расположенную в хвостовой части шаттла. Надо сказать, что координатор пресловутой миссии на планету Искандарион, а с недавних пор и главный по поиску неопознанных сигналов неопознанных бедствующих стремился никогда не изменять себе и собственной самовлюбленной напыщенности, так что, покидая управленческую зону, он постарался не забыть дать важное и ценное указание технику Кропечу.

– Продолжайте попытки, – потребовал Наскак.

– Как скажите, – ответил Кропечь, хоть и понимал, что любые его попытки бесполезны.

На самом деле его скептицизм уже был на грани из-за того, что приходилось копаться в том, что однозначно не подлежало никакому восстановлению. Конечно, пока что не было ясно, что за силовое поле сожгло половину электроники на шаттле, но даже самый ленивый и необученный школьник прекрасно понимал, что в подобных случаях чувствительный трансгалактический передатчик плавится и взрывается за милую душу. Правда, секунду назад все же оставалась надежда на то, что силовой импульс не повредил экстренный маячок, да и та быстро улетучилась, когда в очередной ячейке микросхем обнаружили мелко-творожистые угли. И потому теперь технику Кропечу оставалось только настойчиво перебирать проводки и изображать тем самым наличие творческого процесса, тем самым угождая чужой слепоте и не дальновидности.

Несомненно, сам координатор миссии Наскак отнюдь не догадывался обо всех этих мыслях своего подчиненного. Да и занят он был совсем другим. Станный и непонятный бедлам творился там, куда чуть раньше отправился пилот Таранталь с целью выяснения перспектив возобновления полетов. И с этим нужно было что-то делать.

– Вы там делом заняты или как? – снова и снова повторял Наскак, пока резво вышагивал в направлении технической зоны шаттла.

– Или как? – последовало саркастическое передразнивание со стороны Шаршуна, едва координатор миссии достиг расположения двух рьяно увлеченных смехом членов экипажа.

При этом техник естественно предстал перед руководством во все том же причудливо перепачканном и подкопченном виде, что и раньше, когда он внезапно вынырнул из темноты хвостовой части шаттла вместе с подарочком для господина пилота.

– Да как вы смеете?! – возразил ему Наскак.

Ему не понравился тон, с которым к нему обратились. Впрочем, все остальное (игривая ухмылка и непотребный вид) также не вызвало в нем умиления. Тем не менее, он не услышал незамедлительных извинений и покаяний. Вместо этого Таранталь, зараженный все той же неугомонной игривой ухмылкой, поставил его на место как никто и никогда ранее.

– Думаю, вам пора расслабиться, – сказал он, – и начать воспринимать существующую реальность подобающим образом, а не так как вам нравится.

– Что... что это значит? – запинаясь, потребовал объяснений Наскак, только вот вместо ответов ему бросили некий до сих пор неопознанный предмет.

Конечно, будучи всего лишь принципиальным бумагомаракой, Наскак не обладал ловкостью пилота, и потому брошенное нечто едва-едва удержалось в его руках, зацепившись за мизинцы, прижатые груди.

– Bravo! Вы победили, – констатировал Таранталь, убедившись, что брошенное достигло цели и что падения на пол не произошло.

Ну а после этого он уже не нашел для себя повода и дальше пребывать в непосредственной близости от искрящихся проводов и всего того, что когда-то могло принести ощутимую пользу. Недолго думая, пилот потерпевшего крушение шаттла махнул на все и всех рукой и, лениво пошаркивая ногами, побрел обратно в управленческую зону с твердым намерением развалиться в своем удобном кресле и неустанно созерцать несколько полуразрушенных зданий через немного треснувшее лобовое стекло. И уж точно ему было совершенно плевать на то, что там внезапно подумает какой-то там доморощенный координатор миссии и сможет ли он осознать суть брошенного подарка. Так что неуклюжие попытки Наскака вертеть странный обшитый лиловым металлом предмет в форме ромба могли затянуться надолго, если бы успешный перестать смеяться техник не пояснил ему:

– Это главный элемент питания... Во всяком случае, когда-то им был.

Сказав это, Шаршун также мысленно предположил, что ему уже категорически не нужно находиться в хвостовой части шаттла, после чего его взгляд скользнул по сторонам в поисках чего-то, о чем, возможно, было случайно забыто. И когда ничего такого не нашлось, техник со спокойной совестью зашагал вслед за пилотом. Однако очередное бегство из технической зоны воодушевило не всех.

– Куд... куда вы? – с некоторой тревожностью поинтересовался Наскак, так и не сумевший понять, куда же все-таки можно пристроить сгоревший накопитель катария.

– Туда, где от меня гораздо больше пользы, – ответил ему Шаршун, не оборачиваясь и продолжая шагать в заданном направлении.

Понятное дело, это еще больше покорило самомнение координатора миссии, но в данном случае он не стал лезть на рожон, так как некоторое осознание собственной вины во всем произошедшем все-таки достигло его извилин. Другое дело, что алгоритм дальнейших действий пока что не был понятен. На руках имелась лишь непонятная штуковина, да и та с чужих слов характеризовалась как никчемный хлам. Ну а ситуация в целом, в которой оказался экипаж шаттла, и вовсе представлялась самой незавидной из всех возможно-вероятных. Мало того, что можно было только мечтать о какой-либо связи с космолайнером «Столкновение» или хотя бы с кем-то иным, способным вести переговоры, так еще и шаттл стал непоправимо сломанным, и все они почему-то оказались внутри силового поля. Короче, полная невезуха и все тут.

«А еще где-то Скروت со всеми остальными...», – думал Наскак, и от обилия минусов сложившихся обстоятельств ему хотелось стократно проклинать собственную совесть, которая заставила его в самый неуместный момент попросить пилота связаться с капитаном.

Однако никакие слова и никакие изворотливые клики не могли никак повлиять на ту кучу неприятностей, из которой требовалось выбраться четверым членам спасательной экспедиции. Несомненно, ирония того, что теперь им самим нужна была помощь, ощущалась крайне остро и даже болезненно в определенные моменты душевной слабости. Только вот никакое самобичевание не содержало в себе ответов или какой другой панацеи, способной спасти скромный экипаж шаттла. И осознав это, Наскак постарался наконец-то включить мозг и найти решение, хотя никто и не ждал от него чего-то такого невероятного и умопомрачительного. Все давно махнули на него рукой, поставили поверх его ничем не выделявшейся личности тусклую печать невыразительности. Ну, прям-таки точь-в-точь как его отец, отдавший сына в возрасте десяти лет в интернат по подготовке будущих исполнительных специалистов.

«Так может стоит наконец-то доказать всем чего я стою?!» – громогласно обратился координатор провалившейся миссии к самому себе.

Но никто не ответил. На секунду Наскак почувствовал себя покинутым всеми, даже собственной персоной. От этого ему стало грустно, горько, одиноко... И все же это не остановило его от кропотливого поиска в собственном мозгу тех деталей бытия, которые могли бы помочь

ему и всем остальным. Он знал и чувствовал, что у него обязательно получится, ведь именно этому его учили в треклятом интернате целых девять долгих лет.

«Что-то обязательно должно быть», – повторял и повторял Наскак, мысленно перебирая в голове сотни миллионов событий и фактов и тщательно выуживая то, что могло бы помочь здесь и сейчас, что могло бы заставить перестать искриться провода и разогнать крошечную темень в технической зоне шаттла.

Только вот не всегда наши чувства и желания совпадают с реальным положением дел. И после долгих мыслительных усилий координатору миссии пришлось все-таки признать, что ситуация, в которой оказались четверо смелых с космолайнера «Столкновение» является категорически безвыходной. И тогда ему не осталось другого выхода, кроме как превратиться в морально разбитое существо, еле слышно прошептать:

– Как печально..., – и неторопливо побрести в управленческую зону шаттла.

И надо сказать, что обратный путь в головную часть шаттла был действительно нетороплив. Уж очень не хотелось неудачливому координатору миссии снова и снова ощущать на себе чужие обвиняющие и негодующие взгляды. Однако и не возвращаться он не мог, потому как общество оголенных проводов было куда менее приятным.

– Что-то вы долго? – сказал ему Таранталь, едва Наскак все же доковылял до собственного кресла рядом с панелью управления, – Неужели в вас неожиданно зародились мыслишки о том, как починить реактор трансгалактической левитации?

Этот смачный сарказм со стороны пилота был воспринят Наскаком без единого колебания лицевых мышц. Не то, чтобы он проявлял тем самым стойкость духа или душевную непоколебимость. Более вероятно, что его всего лишь постигла сильная моральная усталость, так что он молча и неторопливо плюхнулся в свое кресло и подобно Таранталю стал неприужденно лицезреть через немного треснувшее лобовое стекло дряхлые руины города Титаскар. При этом слова были не нужны. Можно было просто смотреть, смотреть, смотреть... и чувствовать, как спокойствие постепенно растекается по всему телу, забирается в самые отдаленные закутки ранее чем-то обеспокоенного сознания. И вот уже через пять-десять минут пристального зрительного изучения покосившихся и осыпавшихся зданий, пустотелых окон и прочей разрухи прежняя озабоченность Наскак осталась позади, и потому теперь ему уже ничего не хотелось ни думать, ни мечтать, не жить, а лишь сидеть и неукротимо созерцать странный и пугающий пейзаж.

– Может хватит уже!

Голос донесся как будто ниоткуда, так что Наскак предпочел отказаться поверить в реальность его существования. Впрочем, это тут же вышло ему боком.

– Я говорю: «Хватит уже!!!»

На этот раз это был крик прямо в ухо, и тут отмахнуться было более чем невозможно. Понадобилось некоторое мгновение, чтобы преодолеть звон в голове, а затем Наскак повернул взгляд влево, то есть туда, откуда исходили внезапные крики. Там стоял Кропечь и почему-то отчаянно жестикулировал. Что точно он пытался донести до своего начальника, было сложно понять. Слух слишком пострадал от криков, а сетчатка по неведомым причинам выдавала очень расплывчатое изображение.

– Вля... вля... крамть..., – скомкано произнес Наскак, однако на самом деле пытался сказать нечто совсем другое.

Помимо этого, мысли путались и мельтешили в голове похуже самой невообразимой чехарды, так что серьезный удар ладонью по левой щеке пришелся весьма кстати. Конечно, это было больно и неприятно, но на секунду здравомыслие и сосредоточенность вернулись к нему. Правда, почти сразу же разум стал снова увязать в странном психоделическом омуте. И, слава богу, что Кропечь интуитивно сообразил, что страстные пощечины все же способны помочь координатору миссии и продолжил его неустанно колошматить.

«Вот так да», – подумал Наскак, когда уже не одна, а обе щеки пылали огнем и зудели полученными ссадинами, – «Отличный заряд бодрости».

Однако от очередной порции он предпочел воздержаться и потому поспешил перехватить руку избивавшего его техника в полете.

– Х-хватит, – сбивчиво попросил Наскак, отстраняя от себя пойманную руку.

– Вы... вы в порядке?

Два техника, Кропечь и Шаршун, смотрели на координатора так, словно он вот-вот должен был радикально скоординировать их вконец спутанные жизни. В их ярко-голубых глазах вовсе не притаился страх. Он жил там и творчески процветал, словно это была его законно наследованная территория, где никто другой не имел права находиться или появляться. И это было странно, а со стороны выглядело пугающе, заставляло насторожиться. Впрочем, в окружающем воздухе повсеместно рассредоточилось некое неопределенное и всеобщее напряжение, так что внезапно стало казаться, что весь мир наэлектризован до предела и до беспамятства. Но почему? Этого Наскак не мог понять. Он только чувствовал сильную слабость во всем теле и сильно выраженное онемение в конечностях. Из-за этого ему сложно было двигать даже языком. Но почему? Это прозвучало в его голове еще раз и снова без ответа.

Тем временем, а точнее пока Наскак пытался нащупать в своей голове нить здравого смысла, очень сильно встревоженные техники (чем-то так и неназванным) попытались стащить своего координатора с его усердно насиженного кресла. Их было двое, а Наскак один. К тому же он не был велик в массе и размерах тела. Однако все попытки стащить его с кресла закончились ничем.

– Черт! – воскликнул Кропечь, когда обнаружил причину безуспешности собственных стараний, – Он держится руками за подлокотники...

«Держусь?!» – мелькнуло в голове Наскака, – «Если и так, то я об этом ничего не знаю».

И как только он сумел понять эту новую мысль, его глаза бросили взгляд в сторону рук, и тогда ему удалось увидеть, как побелевшие пальцы намертво обхватывают сверхпрочные лакированные подлокотники из барикрутия и как Шаршун безуспешно пытается их разжать.

«Вот это да», – подумал Наскак.

И тут ему тоже стало страшно. Однако это ощущение быстро затерялось на заднем плане, потому как через мгновение, когда оба техника куда-то спешно ретировались и сразу за этим перестали собой загораживать обзор, координатор миссии увидел гораздо более ужасающую картину, способную взорвать даже самый приспособленный мозг.

«А-аааааааааааааааа!!!!» – попытался было кричать Наскак.

Но вместо этого получилось нечто совсем неопределенное.

– Е-ее-о-йк..., – породил едва передвигающийся язык.

– Спокойно, спокойно..., – потребовали от него быстро вернувшиеся техники.

В руках они держали по огнетушителю. Держали крепко и направляли прямо на своего «любимого» координатора, который уже и не знал для чего ему стоит изо всех сил пытаться тщетно извиваться – для того чтобы умчаться прочь от посиневшего, усохшего и покрытого чем-то очень похожим на мелкую белесую крошку изморози тупа или же от не понять что задумавших техников. Хотя они, несомненно, знали, что делают и для чего, потому как в их глазах и движениях было слишком много твердости и уверенности, когда их руки сжали механизм подачи ледящего аэрозоля.

«Зачем-мммммммм?» – не в последний раз озадачился вопросом Наскак.

А тем временем холодная смесь различных веществ окутывала его едким облаком и неотвратно забиралась в горло. Минуту или три Наскак пытался терпеть это безобразие, но потом все же решил сделать вялую попытку откашляться. Понятное дело, он не верил в то, что у него получится, так как пессимизма накопилось предостаточно после предыдущих попыток

сделать хоть что-то или сказать, или даже просто сглотнуть накопившуюся и вытекающую изо рта слюну. Только вот внезапно у него получилось.

– Кхе-кхе! – раздался звук вырывающегося из легких воздуха.

Наскак попытался было сообразить – почудилось ему это почти что невозможное явление или же нет, однако времени для масштабных раздумий никто не зарезервировал. А техники настолько усердно выкладывались в своем вычурном эксперименте, что через мгновение в его глотке снова была треклятая аэрозоль, где она снова разъедала и раздражала зев. Однако теперь уже не понадобилось никаких желаний, стараний и потуг. Все произошло само собой, точнее под влиянием жизнеутверждающих рефлексов.

– Кхе-кхе-кхе-кхе!!! – на этот раз звук был неукротимым, неугомонным и слишком уж напоминал собой самый нескончаемый и безудержный вопль.

– Продолжаем! – крикнул кто-то.

Из-за чрезмерной занятости выхаркиванием собственных внутренностей Наскак не смог понять кто именно выдавал приказы за пределами беспросветного облака удушающего аэрозоля. Впрочем, особого значения эта детализация не имела. Просто ему внезапно стало приятно осознавать, что кому-то не причиняют радости или наслаждения его страдания и что кто-то, хоть и неуместно, но посочувствовал ему и его положению. Правда, при этом этот кто-то опустил руки...

«Но это не беда», – подумал Наскак, – «Всегда найдется тот, кто заставит мир завертеться в нужном направлении».

– Простите! – послышался из-за облака еще один голос.

На этот раз координатору удалось опознать говорившего, но он не стал заикливаться на этом факте, а только мысленно ответил:

«Не за что тут просить прощения».

Конечно, Наскак пока что не имел возможности вникнуть в суть происходящего, однако все его нутро настойчиво убеждало своего хозяина в том, что эта новая череда неприятностей является очередным последствием одного и того же неправильного и неуместного решения.

«Черт бы тебя побрал, Гарольд», – сказал он сам себе, после чего почувствовал, как пальцы правой руки сжимаются в кулак.

Понятное дело Наскак был слишком занят собственным кашлем, а также скоротечно присоединившимся к нему чиханием и обильным слезотечением, чтобы правильно подумать о том важном обстоятельстве, что одна из двух ладоней больше не обхватывает мертвецкой хваткой лакированный подлокотник. При этом он, конечно, определенно чувствовал некоторые неудобства по поводу ногтей, впивающихся в кожу, но слишком уж много было мыслей и слишком удушающей было облако аэрозоля, чтобы пытаться думать в нужном направлении. И потому только когда пальцы левой руки, подобно правосторонним побратимам, ослабили хватку и отпустили доверенный им подлокотник, тем самым позволив координатору складываться пополам при изрыгании наружу кусочков легких и сочащейся крови, Наскак наконец-то сообразил, что больше не находится в плену кресла и собственного тела и что теперь ему позволено попытаться изменить свое удручающее положение. Отнюдь, но просто встать и побежать он не мог, в виду того, что пока еще не обоснованный паралич его мускулатуры не позволял свершения подобных чудес, однако ему хватило сил и сноровки, чтобы чуть-чуть приподняться и перекувыркнуться через левый подлокотник.

«Черт-тттттттт!» – разнеслось звонким и шумным эхом в голове частично парализованного координатора, когда он больно ударился затылком при падении с кресла.

Лежа на спине и преодолевая боль в затылке и других частях тела, Наскак уже не был рад смене положения собственного тела. Ноги и руки, как и прежде, почти не слушались, так что в целом мало что изменилось в плане его дееспособности. Правда, дышать стало намного легче, так как облако аэрозоля в итоге оказалось над ним. Но такая непринципиальная вещь

не могла поменять общей сути, о которой Наскак задумывался все чаще по мере того, как к нему возвращалось здравомыслие.

«Что со мной произошло?» – спрашивал он самого себя и сам же боялся возможного ответа.

Тем временем из-за облака раздался новый крик:

– Хватит!

И снова Наскак узнал автора. Это был Шаршун. Вслед за его криком послышался грохот падающих на пол огнетушителей и некоторую возню где-то рядом.

«Ну что еще они задумали?» – озадачился Наскак, будучи слишком измученным и лишенным всякого желания подвергаться новым экспериментальным методикам зверского оживления и возвращения к неприятной реальности.

Впрочем, ни одно из его гнетущих ожиданий так и не оправдалось. Никаких зверств к нему более не применили, а всего на всего банально схватили за ноги и стремительно потащи его малоподвижное тело туда, куда нужно. Тащили недолго, однако и этого хватило, чтобы полученные при падении раны разболелись еще сильнее. С другой стороны, за те несколько секунд волочения, что понадобились двум техникам, чтобы перетащить своего координатора на безопасное расстояние от облака аэрозоля, многие из его мышц наконец-то получили долгожданный контроль и в связи с этим, когда Шаршун и Кропечь остановились и склонились над тем, кого спасали, он не стал жаловаться и мямлить о болячках и неудобствах, а вместо этого сказал:

– Спасибо, – и попытался при помощи рук занять сидячее положение.

– Не торопитесь, – заботливо попридержал рвение координатора Кропечь и в то же время, старательно придерживая его за плечи, помог ему достичь желаемого.

– Спасибо, – повторил Наскак, когда уже сидел, а не лежал.

Первым делом он осмотрелся по сторонам. Как тут же выяснилось, техники оттащили его в промежуточную зону. Это место располагалось между управленческой и технической зонами и представляло собой скопище сподручного оборудования и склад снаряжения. Все вышеуказанное не валялось просто так на проходной, а было аккуратно упаковано и размещено в нестрогаемых шкафах, что были выстроены короткими рядами перпендикулярно к обшивке шаттла. Шкафы располагались как справа, так и слева, а между ними имелось свободное пространство, представлявшее собой широкий коридор, предназначенный для перемещения из управленческой зоны в зону техническую и обратно. Именно где-то посреди этого коридора и сидел теперь Наскак. Рядом стояли техники и ждали от него ценных указаний. Сами они вряд ли когда-либо могли предпринять координирующие действия. Их этому не учили, и это не входило в их обязанности, так что самая невероятная попытка спасения своего начальника с определенной точки зрения больше походила на рефлекторную попытку выживания, но никак не на какое-то там одиозное новаторство. Наскак же тщетно вглядывался в постепенно таящее облако аэрозоля и кресло пилота, в котором, несомненно, продолжал пребывать странный синюшный и заледеневший труп, пока в конце концов все же не решился спросить:

– Так что же все-таки произошло?

В ответ Шаршун и Кропечь боязливо переглянулись. Не то, чтобы они чувствовали за собой какую-то вину. Просто координатор крайне неудачной миссии слишком уж сердито и требовательно сверлил их взглядом, что в свою очередь пугало, смущало и заставляло нервничать из-за того, что им были неведомы какие-либо вразумительные объяснения произошедшего. К тому же...

– Все произошло слишком быстро..., – начал было объяснять Кропечь.

Однако Шаршун тут же прервал его на полуслове и поправил:

– Точнее незаметно.

Услышав этот неуверенный комментарий, Наскак долго думал над выданной крупницей информацией, но так и не смог понять вложенного в нее смысла.

– Это как? – спросил он, потребовав тем самым более радикальных объяснений.

Шаршун и Кропечь вновь переглянулись, добавив к уже имевшейся боязливости смесь неуверенности и озабоченности. И на этот раз обмен взглядами между двумя техниками не был мимолетным. На этот раз они по-настоящему впились друг в друга глазами, словно требуя от противоположной стороны какого-то страшного признания, о котором слишком сложно было говорить и слишком опасно было думать.

– Ну, хватит!.. – заявил Наскак, понимая, что двое оставшихся в его распоряжении людей никогда сами не сдвинутся с места, и постарался их подтолкнуть, – У нас нет времени разъяснять скучнейшую проблему кто первый, а кто второй. Рожайте быстрее!

Слова координатора заставили техников серьезно и быстро пересмотреть свои моральные prerogatives, так что уже через мгновение они преобразились в тех, кто был готов целиком и полностью нести ответственность за собственные просчеты.

– Итак...

Наскак все еще ждал ответов, а не какой-то там готовности. И тогда говорить начал Кропечь.

– Вы и Таранталь были очень сильно расстроены, что мы решили вас не беспокоить и отправились в техническую зону для поиска решений. А потом, когда у нас появилась идея, и мы вернулись, было уже слишком поздно. Мы не знали, что может произойти что-то плохое. Мы не виноваты..., – утверждал он, едва не плача.

Но, несмотря на все имевшиеся эмоциональные прикрасы и обилие слов в сказанном, координатор миссии, как и прежде, ничего не понял. Из-за этого шестеренки в его голове закрутились и завертелись с утроенной силой, так что в конце концов он выдал следующее:

– То есть вы понятия не имеете, что произошло?..

– Наверное, – с еще большей виноватостью ответил Кропечь.

«Изумительно», – подумал Наскак.

После подобных откровений для него не нашлось другого занятия, кроме как разбрасывание новых ищущих взглядов в сторону управленческой зоны, где, безусловно, по-прежнему продолжал недвижимо лежать сверхнепонятный труп пилота, а облако едкого и удушающего аэрозоля уже почти рассеялось. Будучи координатором, Наскак привык быть где-то на заднем плане основных событий и лишь изредка при крайней необходимости дергать за нужные ниточки. Ему нравилось тихо наблюдать за тем, что же будет дальше. Сейчас же судьба почему-то перевернула все с ног на голову, заставив его заниматься и думать над тем, что не являлось его привычной стезей. Это было странно, пугающе. Но внезапно Наскак понял, что никаких ответов не существует и никогда не будет существовать. Есть только он и те, за жизнь которых ему приказано отвечать. И тогда координатор вернул свой взгляд тем, кто стоял рядом с ним, а потом сказал:

– Помогите мне подняться.

– Конечно.

– Как скажете.

Техники подсустились хорошо и слажено, так что координатор быстро оказался на ногах. При этом так же выяснилось, что связь мышц с мозгом уже почти полностью восстановилась, так что можно было не опасаться самопроизвольных падений и смело рваться в бой. Правда, Наскак начал лишь с нескольких шагов, а потом, удовлетворившись начальным результатам, обратился к Шаршуну и Кропечу:

– Вы что-то говорили про какую-то там идею?

Наскак боялся, что техники снова начнут переглядываться как два умалишённых брата-близнеца, однако обошлось без этого. И вопреки пессимистичным прогнозам они всего лишь задумчиво промямлили:

– Ну да...

– И что же это за идея? – поинтересовался тот, кого понемногу начинало сильно бесить то обстоятельство, что ни один из его вопросов не оборачивается вразумительным ответом.

– Хорошая идея, – заявил Кропечь и внезапно повеселел.

Видимо его порадовал тот факт, что разговор перешел на близкую его сущности тему. А то уж слишком пугающим и непонятным было все остальное. Мертвецкое окоченение, необъяснимый паралич и борьба со всем этим, ведомая исключительно по наитию, – всего этого он хлебнул через край и более не желал таких вот приключений. Другое дело – ковыряться в простых и закономерных механизмах, где нет никаких сюрпризов и уходов в метафизическую трансцендентность. Только вот вся эта внезапная радость слишком уж увлекла Кропечу, так что детали пришлось разъяснять его коллеге:

– Основная проблема шаттла – это отсутствие основного питания. Из-за этого невозможно запустить реактор трансгалактической левитации, из-за этого не работает большинство систем. Целых восемь часов мы пытались найти решение, а потом нас внезапно осенило...

– Постойте!

От неожиданного возгласа Шаршун заметно перепугался. Но Наскак прервал важный монолог не просто так. Некое ключевое слово вызвало в его мозгу запредельное беспокойство, так что, не смотря на всю значимость технических умозаключений, он поспешил уточнить:

– Восемь часов?

– Ну да, – ответил Шаршун, не понимая сути беспокойства координатора миссии, – Наск было в управленческой зоне восемь часов. А когда мы вернулись... Ну, сами знаете...

«Знаю», – мысленно рассуждал Наскак, – «А еще я знаю, что для меня это было одним мимолетным и скоротечным мгновением. Так что то, во что мы влипли, намного хуже, чем казалось ранее. Впрочем, говорить об этом всем остальным не стоит. В данном случае всеобщая паника неуместна, а нам троим ой как нужно что-то делать, чтобы убраться к черту с этой треклятой планеты Искандарион. И пускай Скروت заботится о себе сам. Сейчас гораздо важнее выжить самим».

Разобравшись с собственными мыслями, координатор тут же обнаружил, что на него смотрят с некоторым недоверием и настойчиво ждут благосклонного разрешения продолжать.

– Простите, – поспешил сказать Наскак, – Расскажите, что там дальше.

В ответ Шаршун нахмурился, вскользь почесал затылок и всем видом показал, что очень недоволен необоснованной паузой, и лишь потом позволил себе изложить оставшиеся детали изобретательного плана.

– Так вот мы немного подумали, – техник постарался продолжить как раз с того места, на котором его прервали, – и вспомнили про передатчик сигнала SOS.

«Да уж. Хорошо подумали. Прямо отлично», – мысленно посмеялся Наскак, но прерывать чужое повествование во второй раз не осмелился. К тому же почти сразу же ему пришлось признать свою необоснованную заносчивость и предвзятость, когда Шаршун сказал то, что хотел, а именно:

– И тогда мы предположили, что передатчик подобного рода и такой мощности несомненно обладает достаточно мощным элементом питания...

Теперь Наскак слушал молча. Не было ни смешков, ни смешливых мыслей. Осталась лишь полная и совершенная сосредоточенность на словах техника, который, как наконец-то понял координатор провалившейся миссии, действительно говорил дело...

– Конечно, производимой энергии этого элемента питания не хватит для полного запуска реактора трансгалактической левитации, однако есть большая вероятность того, что его будет достаточно для активации аварийной системы орбитального прыжка.

Вот тут Наскак уже позволил себе снова заговорить. И в первую очередь потому, что перестал понимать, о чем идет речь. Так что вопрос координатора был по существу, а не на загадочно отвлеченные темы. Ну а звучал он примерно так:

– И что это значит?

Шаршун ответил почти сразу, словно ожидал и готовился к проявлениям некоторого приемлемого недопонимания.

– Это значит, – сказал он, – что если повезет и все получится, то в итоге мы сможем вывести шаттл на планетарную орбиту.

– Зачем?

– Ну, возможно нам повезет еще раз и нас кто-нибудь подберет. Например, космолайнер «Столкновение» или же кто-то другой. Не забывайте, что рядом с планетой находится тайный аванпост секретной полиции.

Наскак понял план техников целиком и полностью, однако нельзя было смело утверждать, что он пришелся ему по вкусу. Скорее наоборот. В нем было слишком много пробелов, слишком много вероятностей, слишком много неоправданной надежды на успех. И будучи координатором, Наскак не мог просто взять и позволить свершиться такому сумасбродству. Вот именно поэтому спустя мгновение после того, как Шаршун изложил свое видение ближайшего будущего для троих членов экспедиции, неразрывно связанных с потерпевшим крушение шаттлом, он разразился ограниченной в количестве, но очень едкой критикой:

– А что если нет? – предположил Наскак, – Что если не получится? Что тогда произойдет? Закончится воздух, и мы все умрем?

Вместо ответа прозвучало короткое и приглушенное «кхе-кхе». Так Кропечь попытался заставить старшего по званию перебросить свое внимание от другого техника к тому, кто имел при себе кардинально обоснованные аргументы. А когда Наскак притормозил с критическими нападками на Шаршуна и быстро перевел взгляд на того, кто как-то странно и надменно покашливал, ему тотчас были выданы эти самые аргументы.

– Так разве вы еще не поняли? – спросил координатора Кропечь.

– Не понял что?

Задавая вопрос, Наскак внезапно ощутил некий тревожный осадок в глубине души, который истощно сигнализировал о том, что кое-кто опять и снова слишком увлекся многоликими мыслями и образами и что пора бы наконец отбросить все лишнее и принять обстоятельства в их подлинном, а не в вымышленном и завуалированном виде. Примерно то же самое ему сказал и техник Кропечь, только более громко и отчетливо:

– Мы в ловушке. И если не выберемся сейчас, то не выберемся никогда. Если не рискнем, то все равно умрем в этом странном и пугающем месте, заключенном в силовое поле. Не хотите попробовать? И сколько по-вашему все мы продержимся, прежде чем не сможем удержаться и уснем, после чего станем такими же синюшными трупами как Таранталь?

Выслушав все грозные предостережения, Наскак молчал минуты три, не более, а после без лишних комментариев сделал несколько шагов в сторону несгораемых шкафов, нашел нужный, то есть тот, что имел кодировку J654. Открыв его, он достал три плазменные винтовки. Потом Наскак подошел к другому несгораемому шкафу, на котором имелась надпись K880. Из него он извлек три миниатюрных планшета, более известные как «ХДА» и предназначенные для поиска цели на местности. Со всем этим добром координатор неожиданно возобновлённой миссии вернулся к экипажу и распределил его на всех.

– Зачем это? – спросил Кропечь, получая на руки плазменную винтовку и ХДА.

– Затем, что пора уже нам отыскать этот чертов передатчик, – ответил Наскак.

Прошло совсем немного времени и двери шаттла отворились именно так, как это происходило прежде, позволив тем самым трем светловолосым и голубоглазым персонам окунуться в непознанный и очень странный мир планеты Искандарион. Развалины давно покинутого города встречали новым искателей приключений. Только вот им повезло гораздо меньше, чем тем, кто вышел на поверхность планеты раньше. Однако то были другие условия, другая ситуации, так что думать и сожалеть об утраченных возможностях встретить женщин, не знавших мужчин было в некотором смысле неактуально. Хотя бы потому, что нутро каждого из троих отчетливо подсказывало, что за пределами площади, на которую рухнул шаттл, их ожидало немало странных и пугающих сюрпризов.

– Итак..., – заявил Наскак, едва двери шаттла закрылись за его спиной.

Пытаясь свериться с планом, он заглянул в свой блокнот. Там под цифрой «пять» значилось короткое уведомление «проверить боевой дух членов группы и их готовность выполнять поставленные задачи».

«Что ж, проверим», – подумал Наскак.

Однако на деле смысловая нагрузка помеси умных слов была далека от имевшегося в наличии человеческого материала. В первую очередь потому, что два техника не были обучены и приспособлены к тому, чтобы держать в руках оружие и работать в полевых условиях. Несомненно, первые несколько секунд им было интересно и забавно, но потом они вышли в чуждую среду и энтузиазма в них заметно поубавилось.

«Черт возьми», – сделал совсем не радужное мысленное заключение координатор теперь уже не очень перспективной миссии.

Тем не менее, не было никакой возможности отступить и сдаться. Можно было лишь идти вперед, потому как каждому из троих хотелось выжить и вернуться обратно на космолайнер «Столкновение». И в связи с этим всегда дотошный Наскак не стал напрягать своих подчиненных по поводу их неуверенных и боязливых телодвижений, а сразу перешел к пункту под номером «шесть».

– Подорвались, – сказал он и первым осторожно шагнул вперед.

Проблем с тем, чтобы пересечь площадь не возникло. Все трое двигались осторожно, не торопясь, смотрели под ноги и направляли стволы плазменных винтовок в каждую подозрительную тень. Кругом царило пугающее безмолвие, и только иногда Шаршун начинал излишне громко сопеть в попытках отдышаться после очередных пятисот метров.

– Это тебе не на диване лежать, – посмеялся над ним Кропечь.

– Тихо, – предосудительно прервал его веселье Наскак, причем прямо на середине смешка.

С той стороны, куда медленно, но верно доковыляли трое искателей приключений, площадь заканчивалась необычным монументом. Не заметить его или оставить без внимания они не могли. В основном потому, что он располагался как раз поперек маршрута, просчитанного миниатюрным искусственным интеллектом ХДА.

– Вот это да, – заявил Кропечь, нервно умиляясь внезапно открывшемуся зрелищу.

– Очень поэтично, – добавил Шаршун и тотчас забыл про одышку.

Обоим пришлось по вкусу будоражащая внешняя атрибутика монумента, представленного дюжиной трехметровых обнаженных и очень сексуальных женщин, которые были старательно высечены из черного искрящегося мрамора.

– Только вот этот круг из камней как-то не в тему.

А вот координатора миссии только этот круг и привлек. Что-то странное и пугающе-притягивающее почувствовал он при виде символично расположенных тетраэдров из черного мрамора. Однако времени на эстетический эксгибиционизм у него не было. Нужно было заниматься делом, то есть спасать себя и других. А как раз для этого и был прописан в блокноте пункт под номером «семь».

«Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», – прочитал Наскак и обратился к ХДА.

Нажатие нескольких кнопок позволило ему уточнить координаты, необходимые для продолжения пути, и сразу после этого возникли новые prerогативы, а весь одиозный монумент удостоился лишь скользкого взгляда незаинтересованности.

– Идемте, – сказал координатор и снова сделал первый шаг.

Обогнуть пресловутый монумент, раскинувшийся на территорию диаметром в сто метров, было не сложно. Сложнее вышло с дорогой, что должна была открыться позади него. Несомненно, вычисления ХДА были точны и результативны, но они никак не учитывали тот факт, что улица, тянувшаяся далеко вперед промеж фасадов частично осыпавшихся девятиэтажных домов, будет завалена всевозможным хламом и поваленными деревьями.

– Как-то это начало утомлять, – заметил Кропечь, когда после преодоления кучи преград группа натолкнулась на искореженный трамвай посреди дороги.

– Не буду спорить, – ответил ему Наскак и как обычно первым полез на баррикады.

Правда, на этот раз ему тут же пришлось резко поумерить свой пыл. Причиной тому стала совсем не обнадеживающая картина, которую координатор миссии увидел, едва сумев взобраться на крышу трамвая.

– Что там, шеф? – спросил его Шаршун, все еще стоя ногами в куче мусора и полусгнившего бурелома, но уже желая знать, почему это координатор миссии смотрит вперед изрядно потерянным взглядом.

Ответ не заставил себя ждать.

– Ничего хорошего, – сказал Наскак.

– Вот черт! – возмутился Кропечь.

Однако с его недовольством пришлось повременить, потому как в то же мгновение ранее невозмутимый Наскак как ужаленный соскочил с трамвая и в панике зарылся в первый попавшийся мусор и бурелом.

– Какого черта?! – возник вопрос у его подчиненных.

– Прячьтесь, – потребовал Наскак.

Понятное дело, никто не стал спорить с предводителем, тем более что его паническое настроение быстро передалось и впиталось остальными. И потому никаких миллионов лет не понадобилось на то, чтобы два техника закопались в мусор и затихли в ожидании новых событий. Для этого оказалось достаточным мгновение. Однако вслед за секундной суматохой последовали долгие минуты ожидания, под конец которых все те же самые техники постепенно ретировались в лагерь сомнений и стали задавать себе и прочим вопросы касательно целесообразности ранее возникшей паники.

– Так что все-таки произошло? – тихо прошептал Кропечь, которому уже надоело выплевывать какой-то не очень вкусный пух, что постоянно и неотвратно залетал ему в рот и стремился залезть в ноздри, тем самым как бы наказывая его за то, что он посмел необдуманно улечься в его скопление.

– Тс-с..., – грозно потребовал Наскак в ответ на такой вопрос.

Только вот подобные реплики уже не действовали. И почти сразу же последовал вопрос с другой стороны.

– Да что за черт? – возмутился Шаршун в большей степени из-за того, что один из сучьев бурелома упирался ему в бок острым концом – Долго еще мы будем?..

Наскак не хотел отвечать, хотя и нужно было. Впрочем, вместо него вполне лаконично ответил грозный и пронзающий барабанные перепонки рык неизвестного существа.

– Что?.. Что это такое? – испуганно пробормотал Кропечь, единовременно еще глубже зарываясь в кучу с пухом, который был им яростно не любим всего лишь мгновение назад.

Наскак знал, что это было. Картинка с изображением страшного создания, которое внезапно выползло из гигантской расщелины, сформировавшейся поперек улицы, и злобно оска-

лилось всеми своими одиннадцатью рядами до зеркального блеска отточенных зубов, навечно вросла в его сознание. И он вовсе не желал увидеть это нечто еще раз живым и здоровым, предпочитал когда-нибудь потом тайком прослышать о его смерти и последующем гниении, а сейчас предпочитал просто лежать, затаившись, и ждать, что крики чудовища прекратятся и что возможно рано или поздно оно уберется восвояси.

Только вот крики не стихали.

Наоборот они стали звучать все ближе и все яростнее. Шаршун смог бы стерпеть и это, и многое другое, как терпели все остальные, но слишком уж дикую боль причинял ему заостренный сук. И потому в конце концов он не выдержал, вскочил на ноги, заорал:

– Да я завалю прямо сейчас эту гадину! – и мигом взобрался на искореженный трамвай с плазменной винтовкой наперевес.

Когда же техник Шаршун увидел в десяти метрах от себя гигантскую тварь с множеством острых зубов, крупнопластинчатой чешуей, сверкающей на солнце, словно латы, и уродливыми крючковатыми шипами на спине и на шее, то всерьез задумался над своей опрометчивостью. Тем не менее, уродливая тварь не смогла его испугать, а вот странные полупрозрачные тени, что настойчиво кружили вокруг необычного животного и нападали на него, вырывая из него куски кровоточащей плоти и порождая тем самым яростные звериные крики озлобленности и боли, – совсем другое дело. Именно они заставили Шаршуна отбросить все имевшиеся ранее сомнения и побежать прочь без какой-либо оглядки.

«Вот черт», – подумал Наскак, когда увидел такое резкое отступление подчиненного и тут же осознал, что больше не может отлеживаться.

Конечно же, он не рискнул вступить в бой с неизвестным трансгалактической науке существом. Это было бы чрезмерным безрассудством. Но позволить себе еще раз выглянуть из укрытия и вновь посмотреть в лицо леденящему кровь ужасу координатор внезапно застопорившейся миссии все же разрешил. При этом Наскак был осторожен и сдержан в своих желаниях, а потому только чуть-чуть высунул нос из-за трамвая. Но и этого оказалось достаточно. И когда он увидел странные тени, доедающие полуживого и все еще ревущего и стонущего зверя, то его претензии к сбежавшему с поля боя технику мигом были аннулированы и изъяты. Более того, теперь координатор сам настойчиво требовал от себя и подчиненных немедленного бегства прочь, о чем собственноручно и сообщил незамедлительно оставшемуся при нем Кропечу:

– Валим отсюда!

А Кропечь казалось только этого и ждал. И потому немного погодя они оба бежали что было духу куда-нибудь подальше от того места, где обитали кровожадные призраки и невиданные звери. Слишком пугающей была перспектива попасть на завтрак к этим существам, так что о смелости и долге искателям приключений в эти страшные мгновения не приходилось вспоминать. Однако минут через десять такого интенсивного бега они изрядно выдохлись и из-за приступов колющей боли в боку остановились. Еще какое-то время им понадобилось на то, чтобы отдышаться и только после этого Наскак и Кропечь смогли оглядеться по сторонам и тем самым суметь сообразить, куда же их занесло внезапное и поспешное бегство от кровожадной опасности.

– Где мы? – спросил Кропечь, так и не сумев сообразить ничего путного.

Наскак не смог ответить ему так сразу и потому обратился за помощью к ХДА. Дисплей прибора сразу же указал координатору на то, что группа значительно отклонилась от проложенного курса.

– Требуется вернуться на правильный путь, – приглушенно, но требовательно пропищал голос искусственного интеллекта ХДА.

– Да уж, требуется, – скептически промямлил Наскак и вновь огляделся по сторонам.

Кругом царила порядком опостылевшая урбанистическая разруха, однако на той узенькой улочке с множеством покосившихся вывесок, на которую случайно занесло двоих вынуж-

денных беглецов, было гораздо меньше разбросано мусора и прочей дребедени, что не могло не радовать и не внушать позитивный настрой.

– Так куда же нам теперь двигаться? – поторапливал погрязшего в размышлениях координатора техник Кропечь.

Только вот прямого ответа не было. Данные ХДА как обычно были далеки от идеала, а значит мало как соприкасались с тем, что творилось на местности в действительности. В связи с этим координатору приходилось активно импровизировать и тыкать пальцем по большей части наугад.

– Кажется, нам туда, – предположил Наскак и указал в сторону слегка заваленного упавшими и иссохшими деревьями переулка, который начинался между двухэтажным зданием неизвестного предназначения, имевшим резную узорчатую крышу, испещренную множеством дыр, и зданием с огромной и когда-то крытой террасой, то есть, скорее всего, приспособленным под кафе или заведение общепита.

Но очередное скопление бурелома сильно смутило техника Кропечу. И виной его ярых сомнений стала очевидная ассоциация поваленных деревьев с недавними яркими и пугающими переживаниями.

– А ты уверен? – спросил он координатора.

– Уверен, – ответил Наскак.

– Выходит, мы не собираемся возвращаться в логово монстров?

– Определенно нет. Придется идти в обход.

Кропечь выслушал и понял все доводы и уверения координатора, но все равно при этом не решался сдвинуться с места. А пока он так нерешительно мялся, где-то далеко позади раздался еле слышный окрик:

– Е-е-ей!.. Хей!

Оглянувшись на зов, оба искателя приключений увидели вдали того, кто первым сделал ноги от ужасающей расщелины. Он махал им рукой, пытался что-то кричать, но находился слишком далеко для того, чтобы быть услышанным. Впрочем, его неожиданное появление на горизонте все равно порадовало как Кропечу, так и Наскака. Им даже внезапно захотелось тоже помахать ему руками и что-нибудь крикнуть в ответ. Только вот ничего из этого им так и не удалось успеть сделать, потому как из ниоткуда и с молниеносной скоростью на стоявшего вдалеке и радующегося жизни Шаршуна налетели две полупрозрачные тени и тут же разорвали его на части. Долю секунды длилась эта кровавая жатва, а потом тени исчезли из виду вместе со своей добычей. Это было более чем шокирующее происшествие, однако никто не собирался тратить время на пребывание в оцепенении и тем самым повышать вероятность возвращения тех, чья природа и происхождение были более чем необъяснимы.

– Да ну его, – решительно промолвил Кропечь и, забыв о прежних колебаниях, ринулся напрямик в переулок.

– Отличный выбор, – прокомментировал Наскак и последовал за ним.

Около восьми минут они бежали по прямой и совсем не обращали внимания на периодически встречающиеся мелкие преграды, так как им совсем не хотелось разделить незавидную участь с Шаршуном. Потом же переулок в итоге закончился тупиком, и пришлось вынужденно свернуть направо. Не останавливаясь и превозмогая вернувшееся покалывание в боку, Наскак отыскал в ХДА нужную лазейку. Через двести метров они смогли свернуть направо, а потом через триста метров налево. К этому времени открылось второе дыхание, так что боль и одышка пошли на спад. Впрочем, эта радость долго не продлилась, потому как на этот раз посреди очередного переулка нарисовалось новое препятствие и на этот раз куда более серьезное.

– Что за на...? – возмутился Кропечь, когда увидел в двадцати метрах впереди рукотворную баррикаду и досок, бревен и бетонных балок.

– Сейчас все будет, – пообещал ему Наскак и как обычно сунулся в ХДА для поиска решений насущной проблемы.

Только вот ему в срочном порядке пришлось отложить ХДА в сторону, когда из-за баррикады высунулся гуманоид серо-зеленого цвета с маленькими желтыми глазками и гримасой злобного смеха на лице, а также с каким-то примитивным оружием в руках.

– Долби пассив! – завопило новое неопознанное существо.

– Сервелат заскочил! – воскликнуло другое такое же, выскочив рядом с первым и начав стрельбу по двум пока еще уцелевшим гражданам Трансгалактического Синцития.

Наскака спасло то, что предназначенная ему пуля попала прямиком в ХДА, где благополучно застряла. А вот Кропечу так не повезло. Несколько пуль прошли его грудь, а две разнесли череп в клочья, тем самым забрызгав Наскака кровью и ошметками мозгов.

– Гумплени лидируют! – возвестил сразу после этого голос из ниоткуда.

Это очень не понравилось координатору почти что провальной миссии, как, впрочем, и все остальное связанное со всеми проклятой планетой. Гибель последнего подчиненного привела его к мысли, что и самому ему не выжить, что он так и сгинет в неизвестности прямо на том же месте, где и стоял в тот момент или же поодаль. Несколько метров расстояния уже не имели значения. И потому откинув в сторону то, что осталось от ХДА, Наскак всерьез взялся за имевшуюся в его распоряжении плазменную винтовку и открыл ответный огонь.

– Получите твари! – кричал он по мере того как энергетические импульсы попадали в цель, – Вот вам паскуды! Получите!

И надо сказать, что прелесть современного плазменного оружия состоит именно в том, что даже неумелый и неопытный писака способен из него поразить любую и даже самую верткую цель. Так что странные серо-зеленые гуманоиды со злобными ухмылочками и архаичным огнестрельным оружием спеклись как нечего делать. Одному оторвало башку почти сразу, а второй попытался было крикнуть очередную невнятную несурезность, прозвучавшую вроде как:

– Нашему засадили, – а потом и его разнесло на куски.

И голос из ниоткуда тотчас подтвердил:

– Гопники лидируют!

«Гопники?» – задался вопросом Наскак, однако его измышления быстро переместились в тематику иной природы.

Внезапно он понял, что ему понравилось то чувство, с которым он убивал тех, кого скоротечно и вполне заслужено возненавидел. И хотя все годы жизни до этого ему противело любое насилие, здесь и сейчас его в некотором роде возбуждала возможность наблюдать за тем, как эффективно уничтожает жизнь отнюдь не громоздкая плазменная винтовка. Душ из крови и разжиженной плоти – это было как раз то, чего как раз не хватало бывшему координатору на исходе тяжелого дня...

Только вот он все еще был человеком другой породы, то есть не кровожадным монстром или кем-то намного более чудовищным, а потому чуть-чуть погодя Наскак ужаснулся тем самым мыслям, что почему-то воцарились в его голове и что действительно требовали от него все новых и новых проявлений безумной жажды насилия.

– Это не я! – закричал Наскак, бросив винтовку на землю и схватившись руками за голову, – Я не такой! Это опять ваши фокусы!

Такое поведение на мгновение показалось ему самым благоразумным вариантом, потому как в его разум забралось уж очень явное подозрение о том, что его снова подвергают какому-то непонятному воздействию прямо как ранее в шаттле, когда он едва не уснул и едва не превратился в заледеневшую мумию. Конечно, это воздействие имело другой характер, но какая разница, когда тебя в очередной раз зомбируют?

Однако отказ от оружия быстро вышел ему боком.

– Банты вам всем! Закопаем!

Отняв руки от головы, Наскак обнаружил, что из-за забрызганной кровью баррикады высунулись шестеро нежданно-негаданно нагрянувших сине-зеленых гуманоидов, точнее гумпленов, как можно было легко сообразить благодаря сообщениям свыше. Новые враги казались еще более злобными, а спасительная винтовка валялась под ногами. Нагибаться за ней было рискованно, так что когда раздался гневный призыв «Вставляй индюшар!» Наскак, недолго думая, ретировался и спрятался за большой кусок бетонной плиты, торчавшей из земли. Судя по всему, она когда-то давно отвалилась от стены одного из верхних этажей близлежащего здания и рухнула вниз. Укрытие, конечно, было не ахти какое и недолговечное, потому как гумплены были сильно разгневаны, раздражены и вели огонь из всех имевшихся в их распоряжении орудий, в связи с чем пули свистели тут и там, не переставая.

– Точи бочину! Антанта! Братаны, КАМАЗ! – раздавались добавочные крики, но Наскак не вслушивался в их несуразное содержание.

Его больше заботила открытая дверь в пятнадцати шагах справа, за которой можно было спрятаться гораздо более надежно, чем за куском плиты.

«Однако сумею ли я вовремя добежать?» – задавался он вопросом.

А пули начинали свистеть над ухом все настойчивее и настойчивее. Нужно было решаться на риск или предпочесть медленное ожидание смерти. Наскак выбрал первое и в ту же секунду ринулся к распахнутой двери. За спиной с нарастающим ажиотажем понеслись уже знакомые по содержанию крики «Долби пассив!» и «Ложь индюшар!», впрочем, переживать из-за этого не имело смысла. Другое дело, что Наскак бежал и в то же время фаталистично думал о том, что вот-вот очередная шальная пуля пробьет ему легкое или угодит прямо в сердце. И даже когда оставался всего лишь метр до заветного порога, пессимизм все еще продолжал его неистово терзать. Кстати, именно тогда и произошло нечто невероятное. Из-за двери вышел здоровенный мужик с короткой толстой шеей и почти лишенным растительности черепом. В руках он держал очень мощное оружие. Его название Наскак затруднялся вспомнить, но знал, что в учебнике истории оно описывается как бомбометатель.

– Пригнись! – посоветовал здоровяк.

Наскак не вполне понял, кто же внезапно возник на пути его бегства, однако не стал пренебрегать его советом и пригнулся. Потом раздался негромкий щелчок спускового крючка, и вся основательно наводненная гумпленами баррикада превратилась в гигантский столб огня и дыма.

– Во черт..., – прошептал Наскак, оценивая масштабы разрушений, – Здорово вы их...

Только вот здоровяку было не до комплементов.

– Это ты прилетел на шаттле? – спросил он, отводя дымящееся оружие в сторону.

– Да... я..., – с запинаящимся удивлением ответил Наскак.

– Тогда ты мне нужен.

– Нужен?

– Именно. Оливье требуется срочная помощь.

Бывший координатор миссии уже и не знал, что сказать или подумать. Чертова планета Искандарион была полна самых невероятных сюрпризов, которые сводили с ума и взрывали мозг. И все же он не удержался и спросил:

– Но кто такой этот Оливье?

– А разве это так важно?

Глава 5: За семью печатями

«Неприятности случаются», – убеждал себя раздосадованный командор Ло, когда заходил в транспортный пассажирский лифт космолайнера «Столкновение», который по совершенно обоснованному предположению должен был переместить его подальше от капитанского мостика и поближе к личной каюте.

Там командор смог бы укрыть свой неоправданный позор бессилия от чужих глаз, только вот это сдержанное бегство никак не помогло бы ему против испепеляющих самоупреков. Но с этим он предпочел разобраться позже. Сейчас же главным было бегство. Остальное же терялось в личном пространстве и времени командора в виду микроскопичности своей значимости.

Впрочем, расчеты Ло были не совсем верны. Ведь он никак не думал, что главные неприятности все еще поджидают его впереди. Конечно, не стоит умалять его сильнейших переживаний по поводу неожиданного фиаско, обретенного по вине строптивого капитана. Однако Микай Ло не собирался на этом заикливаться и уже понемногу начинал разрабатывать план своей моральной реабилитации и неумолимого исполнения возложенных на него обязательств. И к тому же это не мешало его взбалмошным душевным фибрам единовременно и ежесекундно проклинать имя «Люциус Сфер» и предвкушать сладкие и холодные плоды мести.

Другое дело, что фибрам пришлось скоротечно заткнуться, когда вместо обыденного путешествия в лифте произошло нечто бесспорно странное. При этом мозг командора еще минуту или две пытался поверить в обескураживающую иллюзорность восприятия, которая была присуща некоторым представителям его расы, или же в случайное и непоправимое попадание в глаз огромной сорины. Но убедившись в неэффективности такого подхода в отношении пока что неопознанного явления, он все же был вынужден признать очевидное – ему страшно. И мысль «что-то тут не так» была тому подтверждением.

Мысленно вернувшись в прошлое, Микай Ло попытался воспроизвести цепочку безвозвратно сгинувших событий...

Вот он заходит в лифт, чувствуя за спиной гнетущую тишину негласных усмешек, искусственный интеллект задает ему вопрос о предполагаемом пункте транспортировки, он отвечает, первое ощущение движения под ногами, как результат позно-тонических рефлексов, а потом – темнота...

И совсем не такая, что возникает в результате случайных перегрузок генератора или внезапного выгорания электрических цепей. При подобном раскладе в пространстве все равно продолжают мелькать единичные фотоны и потому натренированный глаз способен различить даже самые размытые силуэты. Но эта темнота была другой, крошечной и непроглядной. И именно поэтому она пугала.

«Что ты такое?» – спрашивал командор беспросветную неизвестность вокруг себя.

Но было тихо. Ни звука, ни шороха и только вся та же тьма. Любой другой на месте Ло уже бился бы в истерику или же забился бы в угол. Только вот нигде не было никакого угла. Да к тому же долгие годы специальной подготовки позволяли командору избегать ненужных затрат времени на бессмысленные инстинкты самосохранения. Перед ним все еще стояла задача, так что он собирался выполнить ее во что бы то ни стало.

«Что ты такое?» – спросил Микай Ло во второй раз, настойчиво предполагая, что в окружающей его тьме обязательно укрыт некий наблюдающий разум.

Ответа, как и прежде, не было. Прошла минута длиною в вечность или же целая вечность промелькнула как минута – определить было невозможно. Однако именно тогда мир вокруг командора стал медленно и неторопливо сереть. Сначала в беспросветности появились крошечные одинокие узур, потом их стало больше и больше до тех самых пор, пока близлежащие материальные предметы не приобрели естественную яркость и отчетливость.

«Где я?????????»

Это был новый вопрос. И он был крайне необходим в имевшихся обстоятельствах, ведь они были таковы, что после всего произошедшего местонахождение командора отнюдь не осталось прежним. Теперь он находился не в лифте, а в гораздо менее просторной коробке. Нет, это был не гроб или нечто подобное. Мысль об этом никак не могла прийти в голову командора, потому как внутри коробки было слишком много датчиков и проводов, прикрепленных к его коже или внедренных в нее с помощью иголок. Да и сама коробка была сделана из матового стекла, сквозь которое можно было уловить блеклые силуэты. Однако нахождение внутри мало чем отличалось от пребывания в гробу. И в связи с этим Микай Ло попытался закричать и достучаться до кого-нибудь.

– Помогите! – хотел потребовать командор.

Только вот крик застрял где-то ниже уровня бронхов, где собственно и предпочел остаться. Но это не понравилось его хозяину. Внезапно он понял, что не может пошевелить языком или другими конечностями. Хочет, но не может. И тогда пришло время действительно испугаться, ведь командор внезапно оказался в странном и неопознанном плену, где было непонятно, что от него хотят или требуют, так как помимо проводов никто так и не соизволил вступить с ним в контакт. В эти мгновения пугающих размышлений Микай Ло мечтал, чтобы происходящее оказалось всего лишь крайне неприятным сном. Но очередные похожие на вечность минуты утекали, а ничего не менялось. Он по-прежнему находился в тесной стеклянной коробке и предвзято надеялся на некое чудо, которое спасет его или хотя бы объяснит, зачем все это нужно.

«Все напрасно», – подумал командор, готовясь смириться с постигшей его участью.

Однако смириться он так и не успел. Внезапно датчики и механизмы, опутывавшие его, негромко запищали, после чего почувствовалась некая вибрация. Поначалу она вызывала почти что приятные ощущения, но когда ее сила значительно возросла, стало уже не до удовольствия. Скорее наоборот, пришло время снова вспомнить про страх и самосохранение, потому как к определенному моменту вибрация колошматила стеклянную коробку так, что та скрипела и трещала по швам.

«О, Боже!» – подумал Микай Ло.

Чуть погода окружавшее его стекло взорвалось и разлетелось во все стороны. При этом он не пострадал, а оставшиеся при нем механизмы тихо пожужжали, отсоединились от его кожи, неторопливо сползли на пол и также неторопливо уползли прочь.

– Какого? – в полном негодовании прошептал командор из-за того, что практически не успевал разбираться в никак непрогнозируемых поворотах событий.

– Все в порядке! – раздался как бы в ответ упреждающий голос сверху.

Пытаясь увидеть, от кого исходит только что озвученное утверждение, Микай Ло посмотрел вверх. Увиденное им не принесло особого удовлетворения. И тогда он посмотрел направо, налево, назад и вперед. Нигде из перечисленных направлений не оказалось того, что командор смог бы персонифицировать как дружественно настроенную обстановку. Предпочтительнее было бы сказать, что Микай Ло оказался в очень непростой ситуации. Сверху вниз на него смотрело полтора десятка неопознанных лиц в белых халатах и с некими анализирующими устройствами в руках. Внизу же, со всех сторон от него, ютились пребывавшие в спящем режиме роботы. Их большие красные горящие глаза были меньшей из возможно исходящих от них угроз. Куда к большей осторожности призывали их уродливые металлические руки, обильно снабженные пилящими, режущими, сверлящими и кромсающими агрегатами.

«Какого?» – произнес Микай Ло, но на этот раз исключительно в собственных мыслях.

Тем не менее, голос сверху вроде как все равно его услышал.

– Будьте спокойны! Все в порядке! – назидательно потребовал он.

Конечно, это было всего лишь мимолетное предположение, рожденное случайным совпадением реального и невозможного. Однако с самых недавних пор с командором происходило слишком много невозможного, и потому даже самое рьяное колебание в сторону от нормы отныне воспринималось им более сдержанно и прощупывалось как весьма вероятное. Правда, это никак не относилось к предложенному сверху утверждению, что все будет в порядке.

«Как-то не верится», – поделился он мнением с самим собой.

А голос сверху тем временем вдохновенно сообщал:

– Пришло время собирать урожай!

И как только это было сказано, большие красные глаза роботов стали еще больше и вспыхнули еще сильнее. Их механизированные руки-клешни заскрипели от внезапного перенапряжения шарниров, а металлические ноги, ходунки или колеса – у кого что было – начали свое движение к цели. Не трудно было догадаться, что этой целью является незабвенный командор геральдиеров. Впрочем, сейчас его должность и высокое звание были совершенно бесполезны. Конечно, он мог бы попытаться козырнуть ими и закричать о своих бесконечных полномочиях, однако и так было ясно, что чугунным полированным лбом неинтересна его биологическая жизнь. И что тем более она не интересна тем, кто кукловодил этими монстрами наверху.

– Да пребудет нерушимость Устава везде и всегда, – прошептал Микай Ло и смиренно приготовился к той участи, что приготовила ему судьба и кто-то еще.

Он не знал, кем было устроено это кошмарное представление, да ему и не было интересно. Командор не стремился провести последние мгновения жизни в бесполезных попытках понять нечто недоступное. На протяжении всей жизни его готовили к почти такому моменту как этот, моменту, когда придется просто ждать и смотреть. И, несомненно, он вовсе не собирался перечеркивать все ранее вложенные в него ресурсы и потуги. Ему предстояло умереть достойно с высоко поднятой головой и улыбкой на губах... И он всегда мечтал пройти этот путь до конца.

– Ж-ж-ж-ж-ж...!..

Да, командор Микай Ло умер действительно с высоко поднятой головой. Два робота с паукообразными ходунками отпилили эту часть его конвульсирующего тела в самую первую очередь, а потом подняли ее высоко вверх и представили на обозрение тем, кто стоял на верхней платформе и страстно погряз в неких массивных расчетах. Эти люди в белых халатах были довольны. Они были довольны собой и тем, что происходило. Их лица светились почти что счастьем, хотя на самом деле это больше походило на безумное садистское самовозбуждение. В нем все они погрязли гораздо больше, чем в той неумной работе, которую им приходилось кропотливо проделывать со своими постоянно стонущими и пиликающими приборами. Первоначально никто из них и слова не проронил. Все работали, бросали взгляды то туда, то сюда, старательно наблюдали за тем, как ноги и руки отрываются от туловища и вовремя переносили некие данные с приборов на имевшиеся в свободном доступе мониторы. Это происходило очень быстро и почти суматошно. Однако, когда кровь перестала фонтанировать и роботы извлекли все необходимые фрагменты из некогда живого тела командора геральдиеров, неуклонно возникла потребность в вербальных оценках всего произошедшего.

– Кажется, все получилось, – предположил один из них.

– По-другому и быть не могло, – ответил другой и вывел на монитор последние оставшиеся несколько цифр.

Определить расовую принадлежность обоих было несложно. А все потому, что их глаза то и дело меняли цвет с синего на желтый и наоборот. Примерно также выглядели и остальные тринадцать человек, что все еще наблюдали с верхней платформы за тем, как роботы заканчивают растаскивать остатки бывшего величия и смывают кровь с бетонного пола. И если бы ныне покойный командор Микай Ло прожил бы дольше, то он совершенно точно догадался бы,

что в кои то веки ему все-таки повезло и его не понять как забросило в тайную лабораторию секретной трансгалактической полиции. И хотя здесь не было строгих фиолетовых мундиров с причитающимися вставками из серого и желтого, все здешние обитатели все равно душой и сердцем были геральдиерами

– Он умер достойно, – заявил очередной из тех, у кого внезапно проявился дар речи, когда и в его отчете была поставлена жирная точка.

Последовала короткая, но многозначительная пауза, а затем были озвучены прочие мнения.

– Однозначно.

– Его жизнь была отдана ради жизни многих.

– Хастор Май!

– Хастор Май!

Понятное дело, что во всей этой риторике не было никаких чувств или какой-либо мельчайшей примеси сожаления. И этому не стоит удивляться, потому как никто из тех, кто когда-либо работал в тайных лабораториях, никогда ни о чем не жалел. Ну а именно сейчас многим просто хотелось почтить память того, кто молча выстоял и принес себя в жертву. И как бы это странно не прозвучало, каждый из них в тайне мечтал оказаться на месте командора Микай Ло, так как знал, насколько важна, велика и значима проводимая ими работа. Впрочем, минут через пять все пересуды себя исчерпали и те, кто был призван заниматься глобальными экспериментами где-то на самом краю Вселенной, вполне ожидаемо сделали следующий шаг в сторону поставленной перед ними цели.

– Начинается вторая фаза! – объявил голос сверху, – Рекомендуется подготовиться к возникновению возможных побочных явлений!

Это главенствующее указание незамедлительно оживило немного поутихшую деятельность на верхней платформе, но не вызвало никакой панической суеты. Все действия осуществлялись предельно слаженно и четко организованно. К тому же паника не была генетически заложена в геральдиерах, что собственно и делало всех их идеальными исполнителями чужой воли.

– Всем быть наготове! – крикнул кто-то.

– Ясно! – последовал необходимый ответ.

Внезапно на лицах всех тех, кто присутствовал на верхней платформе, появилось тревожное нетерпение. Все они ждали осуществления чего-то кардинального и удивительного, и это ожидание понемногу становилось невыносимым, поскольку даже минута или две были слишком длинной паузой на пути подобных свершений.

– Пошел отчет!..

– Максимальная готовность!..

– Три, два, один...

Последняя предваряющая фраза прозвучала и то, чего все так настойчиво ждали, наконец-то свершилось. Правда произошло это без громких оваций или вспышек яркого многоцветного пламени. Не было даже какого-то скрипа или шуршания. Это просто произошло и все тут.

– Кажется, все получилось, – сказал кто-то один.

– Вроде как, – ответил другой и посмотрел вниз.

И там под платформой он уже не увидел кровожадных роботов, смывающих с бетонного пола кровь случайной жертвы эксперимента. Место кровавой бойни исчезло с глаз долой и на ее месте, как и планировалось, материализовался огромный бассейн в форме ромба. Бассейн был наполнен водой, а на его поверхности плавало блюдо с помещенным на него предметом. Блюдо не тонуло, потому как было изготовлено из сверхлегкого материала пискатия. Но все

же больший интерес вызывал именно помещенный на него предмет, ведь им был левый глаз растерзанного на части командора Микай Ло.

Еще секунда и прозвучала новая команда:

– Продолжаем!

И вот тут все же пришло время на жужжания и шипения, которые играли немаловажную роль легко воспринимаемых индикаторов процесса. Само же действие произошло немного погодя и проявилось в том, что откуда-то сверху упал широкий и мощный луч синего света. Надо сказать, что этот синий свет вел себя необычным образом. И эта неканоничность проявлялась не только в том, что он заставил вибрировать и искриться пронзаемый им воздух. Куда более необычным был тот факт, что свет распространялся не по прямой, а как ему вздумается. Конечно, на деле не было никаких неопишуемых зигзагов – он просто аккуратно обогнул верхнюю платформу и сконцентрировался на плавающем блюде. Но все равно такое поведение не укладывалось ни в какие рамки. Впрочем, все сотрудники экспериментальной лаборатории давным-давно привыкли ко всяким таким невообразимостям и в связи с этим не уделяли времени неуместному удивлению или восхищению. Все просто работали, а точнее выполняли свой долг.

Этот долг не имел какой-то определенной моральной и материальной обоснованности. Скорее он просто был и все тут. А его происхождение было слишком уж сильно завуалировано всевозможными этическими и должностными нормами и правилами, из-за которых не было видно вполне очевидной и обыденной правды – всем сотрудникам секретной экспериментальной лаборатории кем-то и когда-то было заявлено одно и то же казуистическое утверждение, которое они почему-то не смогли категорически опровергнуть. Вместо этого они поверили в эту мнимую и невозможную истину, прислушались к ней и ошибочно вникли в ее суть. И в конечном итоге все это обернулось какими-то неустанными и непонятными изысканиями где-то на самом краю Вселенной.

«Но зачем?»

Вот в чем заключался самый жизненно-важный вопрос.

Именно об этом неустанно и не переставая думал младший акцептор № 100100011111, пока голосовой координатор не потребовал от него совершенно определенных действий:

– Максимальная готовность через сорок восемь миллисекунд...

После этого ему пришлось откинуть все мыслимые и немыслимые раздумья в сторону и постараться вернуться в рутину рабочего процесса, мельком оглядеть доверенные его профессионализму мониторы и панели управления и, предварительно активировав нужный микрофон нажатием нужной черной кнопки, связаться с теми, кто находился на платформе.

– Прибор визуального захвата активирован, – сказал он.

– Согласовано, – раздался хриплый ответ из скрипучего динамика.

– Связь с верхней платформой установлена, – подытожил голосовой координатор и запустил автоматическую систему концептуализации.

Сам младший акцептор № 100100011111 никогда не называл верхнюю платформу верхней, потому что подобная описательная характеристика совершенно не подходила для его рабочих условий. Категории «верх» и «низ» использовались преимущественно в самой экспериментальной зоне, а в той тесной и далеко расположенной от места основных событий комнатке, где ему приходилось ютиться вместе с подотчетной наблюдательной аппаратурой, они имели слишком абстрактный смысл и по большей части не были востребованы. В связи с этим верхняя платформа именовалась им как просто «платформа», а то, что в его конкретном случае представляла собой нижняя платформа – как «объект».

– Говорит младший акцептор № 100100011111...

Согласно протоколу, его следующим шагом была активация кондуктирующего канала, по которому вся наиболее важная информация, попадающая на его мониторы, должна была

моментально переправляться в Кумулятивный Центр. Младший акцептор № 100100011111 понятия не имел, где располагается это заведение, но каждый раз неотступно следовал протоколу и открывал односторонний канал связи со словами:

– Библиотека данных доступна...

Каждый раз, когда ему приходилось произносить эту фразу, он втайне надеялся на некую взаимность. Безусловно, это была надежда не на какой-то там детальный или развернутый ответ. Вовсе нет. В его ситуации не приходилось мечтать о многом. Более того, иногда он был готов к любому проявлению дружеского участия, потому как сидеть целыми днями в четырех стенах было практически невыносимо. Только вот никто и никогда не хотел говорить с младшим акцептором № 100100011111. Во всяком случае, до сегодняшнего дня...

– Здравствуй...

Младший акцептор № 100100011111 никак не прореагировал на тихое приветствие, поступившее из маленького динамика сбоку. Не то чтобы он не слышал сказанного. Просто не поверил в возможность такого невероятного свершения и предпочел записать это неожиданное явление на счет собственной усталости и неотступного желания иметь то, чего нет и не может быть.

«Пора бы уже привыкнуть и смириться», – заявил он себе в очередной раз и вернулся к работе с панелями, которые требовали его внимания и контроля.

Его смена только началась, и потому в ближайшем будущем жестоко маячили двенадцать часов и семнадцать минут бесконечного просиживания за мониторами. На главном из них был запечатлен огромный бассейн в виде ромба и блюдце с вырванным глазом. На блюдце был направлен луч синего света, и вода в месте его падения вспенивалась желтыми пузырями. Это была удручающая картина, предназначенная к просмотру в триста пятьдесят первый раз. Все предыдущие эксперименты закончились ничем, так что вряд ли стоило надеяться на то, что именно в этот раз выстрелит нечто особенное.

«Чертовы эксперименты», – думал младший акцептор № 100100011111, злясь при этом на всех и вся, но, тем не менее, продолжая снова и снова смотреть на треклятые мониторы и следить за тем, как ничего не происходит и ничего не случается.

И пока он это делал в триста пятьдесят первый раз, все тот же голос снова заявил о себе.

– Здравствуй, – сказал голос, прозвучав уже из другого динамика.

Младший акцептор № 100100011111 прислушался, огляделся, сосредоточился и вновь попытался списать все на психопатические процессы в собственной голове. Однако голос не позволил ему этого сделать.

– Ты действительно меня слышишь, – донеслось сразу из трех динамиков.

«Какая реалистичная психопатия», – подумал младший акцептор № 100100011111 и снова огляделся по сторонам.

Ни рядом, ни вокруг никого не наблюдалось. Никто не мог с ним разговаривать посредством динамиков. Кумулятивный центр был вечно молчалив, а платформа, скорее всего, занималась тем, что направляла луч красного света на блюдце с надпочечником, плавающее в овальном бассейне, заполненном оранжевым маслянистым секретом трапскринийских перка-тов. Эти монстров специально выращивали и держали на одном из нижних уровней лаборатории. Но это обстоятельство не имело никакого сколько бы важного значения, потому как не отвечало на все тот же вопрос:

«Кто разговаривает с младшим акцептором № 100100011111?»

– Я – друг, – убаюкивающе шептал голос, доносясь уже из всех динамиков.

– И что из этого? – спросил младший акцептор № 100100011111.

Это было первое, что пришло ему на ум, и он тотчас реализовал это в слова. И вовсе не потому, что был дерзок и не сдержан. Просто за все три года пребывания в застенках секретной экспериментальной лаборатории слишком многие и слишком часто неоправданно втирались

к нему в доверие. Так что теперь он не верил пустым словам и обещаниям, особенно если их произносит безликий голос из динамиков.

– Чего тебе нужно? – потребовал ответа младший акцептор № 100100011111, опережая тем самым новые слащавые фразы убаюкивания.

– Только твоя дружба, – ответил голос.

На этот раз говоривший из динамиков постарался избавиться от ненужной жеманности и переигранного подхалимства и потому звучал более реалистично, тем самым в большей степени располагая к доверию. Впрочем, младший акцептор № 100100011111 все равно не был готов впустить его в свое личное пространство и в связи с этим продолжал огрызаться и требовать радикальных объяснений.

– Кто вы? Назовите себя! Вы нарушаете пятнадцать протоколов безопасности. Мне придется незамедлительно сообщить об этом!..

– Валяй! – голос вяло отмахнулся от неприятных угроз и тут же выдал несомненно ключевую информацию, – Только вот знай, что никто кроме тебя меня не слышит. Как ты это объяснишь вышестоящим лицам?

Услышанное заставило младшего акцептора № 100100011111 перестать качать права и постараться проанализировать имеющиеся факты с другого бока.

«Значит, я все же схожу с ума?!» – подумал он.

– Опять неверно! – вмешался голос.

Однако тем самым он лишь вновь столкнулся и так запутанного происхождения младшего акцептора № 100100011111 с очевидной невозможностью отдельных моментов и явлений.

– Как ты можешь читать мои мысли? Ты же всего лишь...

– Всего лишь звук из динамиков? Ты это хотел сказать?

– Наверное...

Внезапно младший акцептор № 100100011111 ощутил невыносимую усталость во всем теле. Три года – это долгий срок, особенно если впереди маячит еще столько же. Когда-то до всего этого сидения в четырех стенах он был совершенно другим человеком. Его звали Камир Тахи из селения Пантуджи, находившегося на одной из лун планеты Скадриус в системе Паке-тау, что принадлежит одной из отдаленных галактик, не имевших даже какого-то определенного названия. Живя в таком мире, с детства мечтаешь о высоких материях. Обычно сначала ты узнаешь о них из книжек, а потом оставшееся понемногу дорабатываешь с помощью фантазии. И вот в итоге ты уже безнадежный романтик, которому предлагают увидеть бесконечно прекрасную Вселенную. Но что в действительности ему удалось увидеть? Только синий луч и блюдце с очередным вырванным глазом.

– Они обманули тебя, Камир.

«Он знает мое настоящее имя», – осознал младший акцептор № 100100011111, немного отстранившись от собственных воспоминаний.

– Знаю... знаю... знаю..., – отвечал голос то из одного, то из другого динамика.

– Значит, ты знаешь и все остальное? – спросил тот, кто уже и не знал, кем является, и кто уже давно готов был сделать вывод, что ему абсолютно нечего терять.

Младший акцептор № 100100011111 ждал ответа, но ответа не было. Динамики молча взирали на него своей мелкой ячеистостью и совсем не стремились породить какие-либо звуки. Возможно, эта пауза длилась минуту, а может и целый час. Никто не следил за циферблатом. В этом не было необходимости, да и разве была разница, как быстро утекает время, когда оно все равно висело бесполезным грузом на человеке, обреченном на бесконечное наблюдение неизгладимо монотонных процессов.

– Какого ответа ты ждешь? – спросил голос, как только мысли, воспоминания и образы подняли в голове младшего акцептора № 100100011111 крошечный ураган.

– Нужного, – ответил Камир, почти не задумываясь.

– И что же тебе нужно?

– Расплаты.

Сказанное незамедлительно испугало младшего акцептора № 100100011111, однако страх собственных желаний быстро улетучился, едва он задался простым и важным вопросом:

«А разве я не заслуживаю чего-то такого после всех пролитых лез? Разве я не заслуживаю чего-то большего, чем быть добровольным заключенным, погребенным за семью печатями секретности? И разве не должны ответить за свои преступления те, кто причинил мне боль?»

Это была огромная куча животрепещущих вопросов. И на все эти алчущие вопросы голос из динамиков однозначно ответил:

– Да.

Такой характер чужого мнения пришелся по вкусу тому, кто наконец-то стряхнул пыль со своего настоящего имени. И более того, впервые за три года пребывания его посетило душевное облегчение и отнюдь не эфемерная уверенность в том, что скоро все изменится.

– Но чего ты хочешь от меня? – спросил младший акцептор № 100100011111, отчетливо осознавая, что ничто в этом мире не дается просто так.

– Будь моим другом, – попросил голос, – А остальное приложится.

– Тогда я согласен.

Несомненно, Камир слышал всякое такое и раньше, причем неустанно верил всему тому, что ему клятвенно обещали чужие чересчур убедительные речи, хотя незадолго до этого, пораженный внеочередным предательством, убеждал себя, что больше никому не позволит глумиться над собой и своими чувствами. Наверное, он просто был слишком доверчив по природе своего характера или же слишком глуп и наивен. В принципе этот факт был очевиден и ему самому, так что Камир не очень-то и напрягался по поводу того, чтобы довериться еще одному пройдохе, сулящему золотые горы. К тому же смотря то на один, то на другой динамик младший акцептор № 100100011111 был более чем уверен, что на этот раз никто не попытается его изнасиловать, разве что морально, однако такое в его жизни и так происходило повсеместно, так что пугаться было нечего.

– Значит, ты готов? – спросил голос.

– Готов, – ответил Камир.

И хотя не прозвучало никаких подробностей предстоящего или каких-либо предваряющих инструкций, он все равно был готов. Точнее его попросту наполнило полнейшее безразличие ко всему, кроме того неоспоримого и неизбежного обстоятельства, что ему наконец-то удастся отплатить всем тем, кто заламывал ему руки и затыкал рот, тем, кто входил в него сзади, предварительно зажав в углу, и тем, кто использовал его как кусок мяса для удовлетворения собственной похоти.

– Я готов отплатить им всем, – заявил младший акцептор № 100100011111, и его немного побледневшее лицо заполонила злобная ухмылка.

И вместе с этим на смену душевному облегчению пришло душевное спокойствие, которое быстро переросло в холодный и расчетливый энтузиазм. Впервые в жизни Камир был по-настоящему уверен в своих силах и возможностях. Оставалось только услышать и узнать, какой же путь изберет для него голос из динамиков. Но голос молчал, словно выжидая самого нужного момента. А вместо него кто-то другой произнес слова:

– До конца смены осталось десять минут. Пожалуйста, приготовьтесь покинуть рабочее место для того, чтобы позволить другим послужить нерушимости Устава и благополучию Трансгалактического Синцития.

Это была служба контроля рабочего распорядка. Младший акцептор № 100100011111 взглянул на часы и понял, что тринадцатичасовая смена внезапно подошла к концу.

«Не может быть», – очень сильно удивился Камир.

«Может», – наконец-то ответил голос, но теперь он звучал не из динамиков. Теперь он совершенно точно звучал в его голове.

«Так значит мы вместе? Мы – едины?»

«Ну, мы же друзья?!»

Непродолжительный внутренний диалог был прерван пикированием одного из мониторов, и младшему акцептору № 100100011111 пришлось вернуться к своим обязанностям.

– Нажмите кнопку «т3» и завершите первый сеанс осуществления второй фазы в эксперименте №м5убгнлнедш. Рекомендуются сохранить все данные и выйти из режима захвата и пересылки данных...

В принципе после трех лет единообразия Камир мог обойтись и без подсказок голосового координатора. Тем не менее, слушать его все-таки приходилось, потому как таков был рабочий протокол и изменить в нем что-либо было невозможно.

«Да и к чему такие напряжения», – размышлял он, каждый раз нажимая одни и те же кнопки.

И когда все нужные кнопки оказывались нажатыми, а информационные каналы с платформой и Кумулятивным Центром прерваны, оставалось лишь услышать заключительное утверждение голосового координатора.

– Сеанс окончен.

– Всем спасибо, все свободны, – как обычно ответил компьютеру приписанный к нему младший акцептор № 100100011111, а потом приготовился к не очень приятной концовке рабочей смены.

Сначала одна из панелей зажглась красным, после чего на ней высветился обратный отчет от десяти до одного. Больше не было никаких голосов или обещаний. И Камир знал, что едва на панели появиться единица и произойдет его локальная телепортация, обратного пути уже не будет. И не потому что голос из динамиков (или из его головы) скорее всего способен заставить его горько пожалеть о любом проявлении трусости. В первую очередь сам некогда послушный и услужливый младший акцептор № 100100011111 более не был готов вернуться к унижениям. Его фантазия, когда-то давно обогащенная приключенческими романами, теперь прокручивала совершенно другие картинки. И в них не было места для романтики. Зато было предостаточно места для фонтанирующих брызг крови, для живьем сдираемой кожи и хруста переломанных костей...

«Один», – прочитал Камир появившийся на горячей красной панели символ «единица», а потом почти что мгновенно перенесся из рабочего помещения в комнату ночлега.

Служба контроля рабочего распорядка всегда вела себя заботливо и предусмотрительно. И потому уставшего после тринадцатичасовой рабочей смены младшего акцептора № 100100011111 локально телепортировали прямо в приготовленную ко сну кровать. Процесс того, как атомы и молекулы живого существа разбирались и собирались заново, был очень мимолетен, но все же немного турбулентен. В связи с этим первую секунду после перемещения Камира всегда одолевало некоторое головокружение. Но мягкая и удобная подушка, на которой очень предусмотрительно оказывалась его голова, всегда позволяла безболезненно пережить это неудобство.

«Как хорошо», – думал младший акцептор № 100100011111, утопая в мягкой подушке и пушистом матрасе.

Быстрая смена обстановки окунула его в некоторое забытие, в котором он внезапно позабыл про голос из динамиков, про тяжесть чувств в собственном сердце и про то, насколько амбициозны его бесконечные планы мести. Простейшее удовлетворение жизненных потребностей, коим и являлась возможность немного поспать и отдохнуть, неожиданно перевернуло все с ног на голову. И Камир тут же стал сомневаться в целесообразности всего ранее предпринятого.

«Может я немного погорячился?» – задавался он вопросом, оглядывая стены и потолок своей комнаты для ночлега.

В этом помещении не было той затхлости, что царила в рабочей коморке младшего акцептора № 100100011111. Наоборот, воздух здесь был свеж и благоухал некими загадочными ароматами. К тому же комната была довольно просторной, и потому не приходилось повсеместно ощущать на себе тяжесть бетонных плит. За три года пребывания в лаборатории Камир смог немного обжить это место и обустроить. Во всем здесь чувствовалось присутствие частичек его души. Стул, стол, кровать, кухонные приборы и книги... все они давным-давно практически срослись со своим хозяином в единое целое, и просто так поставить на всем этом крест было категорически невозможно.

«А как же мои обязательства?»

Это тоже был хороший и актуальный вопрос. Особенно учитывая тот факт, что Камир всегда считал себя человеком слова.

«Я же не могу отступить, пообещав...».

Младший акцептор № 100100011111 надеялся, что некто подскажет ему как найти выход из непреднамеренно получившейся загадки. Ведь сам он никак не мог решить, чего же ему хочется больше всего – крови и криков мольбы или же простого и обыденного спокойствия, умиротворения и возможно даже счастья. Камир отчаянно надеялся, что нужная подсказка найдется у голоса из динамика, но в его комнате для ночлега не было никаких динамиков, да и в голове уже не пытался говорить кто-то посторонний. Он остался один, и теперь только он мог принять конечное решение.

– Тук-тук...

Внезапно искомое решение само нашло младшего акцептора № 100100011111. В суматохе дел и явлений Камир совсем позабыл о том, что к нему обязательно должен нагрянуть гость.

– Тук-тук...

Стук в дверь в данном случае вовсе не был просьбой получить разрешение войти. На самом деле он являл собой очень осторожное предупреждение в комплекте с призывом быть готовым выполнять возложенную повинность.

– Войдите, – сказал Камир.

Но в принципе можно было обойтись и без этого. Она все равно бы вошла. И она вошла. В свете приглушенного света небольшого светильника, что стоял на столе, гостя казалась почти прекрасной, именно такой, какой его мозг воспринял ее в первый раз. Сегодня то мгновение было страницей в безоблачном прошлом. И сегодня младший акцептор № 100100011111 собирався закрыть эту книгу навсегда.

– Джалъет, рад вас видеть, – сказал Камир, предварительно приподняв голову с подушки.

Впервые за несколько месяцев сексуальных истязаний со стороны высшего руководства он говорил ей неподдельную правду. При этом искренностью чувств настолько сильно веяло от его слов, что даже гостя, бывшая по большей части эмоционально ущербной, не смогла не заметить этой перемены. И ей это понравилось. Это завело ее как никогда ранее. Только вот она так и не смогла определить истинной причины радости своего раба, и потому, ошибочно помыкая собственным тщеславием, шагнула вперед, по ходу скидывая с себя коротенький розовый халатик с цветочками.

– Да, я очень рад вас видеть, – произнес Камир с еще большим энтузиазмом.

И единовременно его лицо заполонила та самая злобная ухмылка, которая посещала его на рабочем месте под убаюкивающий шепот голоса из динамиков. Но в данный момент голос оставил его, позволил самому разобраться, доверил ему важное задание...

«Сейчас я практически бог», – думал младший акцептор № 100100011111, и его злобная улыбка становилась все шире и шире.

Однако его гостя этого не замечала. Она была слишком увлечена необузданным и страстным желанием, чтобы ее телом овладели прямо здесь и сейчас. И чтобы это произошло как можно быстрее и энергичнее, та, что называлась Джальет, сделала несколько резких шагов вперед, толчком левой руки заставила своего раба опрокинуться на спину, а потом забралась на него сверху.

– Бери меня! – воскликнула она в яростных попытках нащупать бедрами его орудие любви.

– Беру, – спокойным тоном ответил Камир и слегка, почти ласково, отодвинул в сторону длинные лоснящиеся волосы той, что в очередной раз пыталась скакать на нем как на заезженном жеребце.

Он знал, что будет дальше. Простые телодвижения, немного трения, немного слюны и прочих выделений... И ничего более... Никаких чувств, никакой любви. Одна простая и обыденная похоть. Младший акцептор № 100100011111 не в первый раз ощутил, что где-то в области его сердца находится гигантская и зияющая пустота, дающая понять, что если он не попытается или по каким-либо причинам не сможет изменить правила игры, то так и останется вечным пленником этого мира, в котором всем и каждому плевать на то, что творится в его хрупкой и трепетной душе.

– Бери же! Сильнее! Давай же! – вопила Джальет и экстатически запрокидывала голову в моменты, когда увесистый член безропотного плебея входил все глубже и глубже в ее тело, тем самым подчиняясь ее главенствующей воле и ритмичным движениям ее упругих и округлых ягодиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.